

Часть I. Маршрутом В. К. Арсеньева

ПРОЛОГ

Для большинства читателей имя В. К. Арсеньева, путешественника, ученого, создателя бессмертного литературного образа Дерсу Узала, связано с его исследованиями Уссурийского края. Между тем начиная с 1910 года путешественник мечтал перенести свои экспедиции из Приморья на Крайний Северо-Восток. «Вы не представляете, как меня манят Колыма и Чукотка! Я непременно побываю в Заполярье и прострочу его собственными ногами», — писал В. К. Арсеньев. В полной мере ему свою мечту не удалось осуществить, но на Крайнем Севере путешественник все же побывал. До 1930 года, то есть до самой смерти, он сумел провести исследования в одном из районов Якутии, на Камчатке, Командорских островах, побережье Охотского моря. Эти поездки носили кратковременный характер, но они внесли свой вклад в изучение Охотско-Колымского края.

Стоит отметить, что по большинству маршрутов исследователя Уссурийского края неоднократно прошли как ученые, так и энтузиасты краеведы, но едва ли кто из них сумел повторить маршрут путешествия В. К. Арсеньева по Якутии, Камчатке, Командорам, побережью Охотского моря. Никто не сравнивал описания природы, жизни аборигенов, а также другие детали, подмеченные зорким глазом исследователя, и не увидел масштабы произошедших за многие годы перемен.

Итак, более сорока лет тому я, выпускник Дальневосточного университета, волею судеб оказался заведующим факторией Камешки (ударение на последний слог), что находилась в среднем течении реки Гижиги, впадающей в Охотское море. Фактория принадлежала оленеводческому колхозу «Расцвет Севера», а в мои обязанности входило объезжать, как обычно зимой, на собаках и оленях немногочисленные стойбища коряков и эвенов, выпасавших колхозных оленей на территории, простиравшейся от побережья Охотского моря до притоков реки Омолон и равной по площади примерно двум третям Франции. С помощью киноаппарата «Украина» и электрогенератора мощностью в 1 кВт я показывал оленеводам в их палатках фильмы, проводил занятия по предметам школьной программы, читал лекции о природе и истории этих мест. Начиналась моя работа в стойбищах в октябре,

когда падал снег и замерзали в тундре реки и озера. Я горжусь, что мне довелось до эпохи снегоходов исколесить северную тайгу и тундру на собаках и оленях. Одним словом, захватил последний романтический период освоения Севера. Заканчивались поездки в начале мая. А лето, как правило, проводил с геологами в качестве проводника и каюра — перевозил палатки, спальники, ящики с образцами, продукты. Таким образом, район изучил если не досконально, то основательно.

По причине своей любознательности всюду, куда бы меня ни забрасывала судьба, я собирал сведения о природе и истории данных мест. Не мог я пройти и мимо малоизвестного факта четырехмесячного пребывания В. К. Арсеньева в Гижиге в 1923 году.

О ЖИЗНИ В. К. АРСЕНЬЕВА В 1920-Е ГОДЫ

В 1922 году он занимал должность старшего инспектора Управления рыбными и морскими промыслами, а также являлся по совместительству преподавателем Дальневосточного университета. Надо было содержать жену Маргариту и дочь Наташу, помогать первой жене и сыну Коле. Особенно тяжело было В. К. Арсеньеву в советские времена, когда на него косились сослуживцы, власти. Как же: царский офицер, белая кость! Да и местные чекисты не оставляли известного путешественника без внимания. В. К. Арсеньев кроме выполнения основной и дополнительной работы читал лекции, писал статьи, докладные записки и т. п. Между тем усталость накапливалась, и в письмах знакомым он нередко жаловался, что с годами ему все труднее заниматься литературным трудом и едва ли он способен создавать книги, подобные его блестящей как в научном, так и в литературном плане работе «По Уссурийскому краю». Нужда не оставляла путешественника до самой смерти, последовавшей в 1930 году после возвращения из очередной экспедиции в Хабаровском крае.

Дабы завершить краткий экскурс в последние годы жизни В. К. Арсеньева, замечу, что его жену Маргариту большевики также не оставили без внимания и в 1934 году расстреляли. Дочь Наташа мыкалась по жизни и всегда боялась признаться, что она дочь того самого Арсеньева. Несладко пришлось и первой жене В. К. Арсеньева, и его единственному сыну Коле. Но все это предмет отдельного разговора. Полагаю, что всякая экспедиция за пределы Уссурийского края была для Владимира Клавдиевича своего рода отдушиной, возможностью погрузиться в любимую работу, отвлечься от тяжелых мыслей.

Итак, пятнадцатого ноября 1921 года Приказом по Управлению рыбными и морскими промыслами на В. К. Арсеньева было возложено дополнительное заведование рыбными и морскими промыслами Гижигинского промыслового района Охотско-Камчатского края. Восьмого июня 1923 года ему была поручена командировка с «научными целями на собственные средства с сохранением содержания». Двадцать третьего июня 1923 года на пароходе «Кишинев» В. К. Арсеньев среди прочих пассажиров отправился в путь. Двадцать пятого июня «Кишинев» прибыл на остров Хоккайдо в порт Хакодате. Двадцать девятого июня на шхуне «Пенжина» взяли курс на Гижигу, где смертельная опасность подстерегала и В. К. Арсеньева, и командира, и пассажиров шхуны. Надо сказать, что советская власть была удержана в Приморье в конце октября 1922 года, но в 1923 году до Гижиги еще не дошла. В Наяхане, где остановилась шхуна «Пенжина» перед последним переходом до Гижиги, власть держал есаул В. Бочкарев, отметившийся в свое время в Приморье во время Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Бочкарев в Наяхане (сейчас это Северо-Эвенск — районный центр

Северо-Эвенского района Магаданской области) хотел судить В. К. Арсеньева, пассажиров и команду шхуны, прибывших из Совдепии, по «законам военного времени», но судьба смилостивилась над ними.

Остался последний переход для шхуны «Пенжина» от Наяхана до Гижиги. О дальнейшей судьбе этой шхуны мне ничего не известно, но вот история парохода «Кишинев» запала в душу. В начале шестидесятых годов XX столетия пароход «Кишинев» стоял на мертвом якоре в районе Мальцевской переправы во Владивостоке и являлся базой АСПТР (отряд аварийно-спасательных, судоподъемных и подводно-технических работ), где я служил матросом на водолазном боте типа «ВРД». На судне, как сейчас помню, в машине были два действующих паровых котла, мостик, мачта, трюм, несколько пассажирских кают на баке и юте. Это был маленький пароходик, который в любое время мог развести пары и выйти в море. Тогда я еще не знал, что, пребывая на нем в течение четырех лет службы, я прикоснулся к истории, связанной с В. К. Арсеньевым. После того как я завершил службу в отряде, стороной узнал, что «Кишинев» списали на металлолом, а базой отряда стал пароход «Кулу».

Однако вернемся в 1923 год на шхуну «Пенжина». Итак, восемнадцать человек, составлявших команду и пассажиров шхуны, взяли курс на север из Наяхана в Гижигу, но попали сначала в один шторм, затем в другой. Мне доводилось ходить морем из Наяхана в Гижигу. На всем протяжении пути там высокие скалистые неприступные берега. Вместе со зверобоями колхоза «Расцвет Севера» мы охотились на лахтаков и нерп между Гижигой и Наяханом. Кунгас удавалось с трудом вытаскивать на узкий скалистый уступ, небольшой водопад поил нас пресной водой. Во время шторма удержаться на этом уступе не представлялось возможным. Но погода благоприятствовала нам. Шкуры лахтаков и нерп, добытые нами, шли на ремни, с помощью которых крепились детали нарт, чаутов*, подошвы торбазов, и на другие нужды.

Можно представить состояние людей, чудом переживших шторм у неприступных берегов. Отлогий берег, подходящий для высадки, находится лишь в самом Гижигинском лимане. Для разгрузки в Гижигинском лимане суда, как правило, становились на якорь в нескольких милях от берега по причине необычайно высоких приливов. Грузы с пароходов сваливали в баржи и кунгасы, которые шли к берегу, пока позволяла глубина. Затем море отступало, баржи обсыхали, и к ним устремлялись во времена В. К. Арсеньева подводки с лошадьми, а в наши дни — трактора с тележками. Так выгружали уголь, ГСМ, соль, мануфактуру, боеприпасы, строительные материалы и продукты. Обратное же доставляли на борт судна соленую рыбу, олени шкуры и другие произведения местного промысла.

Но... тринадцатого сентября шторм утих, и В. К. Арсеньев вместе с немногочисленными пассажирами шхуны высадился в устье Гижиги в небольшом прибрежном селении Кушка (Куська. — местн.). Сама же Гижига, гордо именуемая уездным городом Гижигинск, находилась в восемнадцати верстах вверх по реке. Четырехмесячная поездка в Гижигу дала путешественнику материал для довольно значительной по объему работы «Гижигинский промысловый район», опубликованной в журнале «Экономическая жизнь Дальнего Востока» (Хабаровск, 1925, № 5, 6).

Итак, путешествие по «забытому краю» началось. В шестидесятых годах прошлого столетия, в бытность уже студентом Дальневосточного университета, я нередко заглядывал по привычке в музей им. В. К. Арсеньева во Владивостоке по ул. Петра Великого, 6, который знал и любил с детства, в котором мне довелось работать после моего почти десятилетнего пребывания на Севере. В этом музее, по

---

* Чаут — ременной аркан, лассо (камч.).

прихоти судьбы, я заведовал (правда, всего два года) отделом досоветского периода, то есть занимал примерно ту же должность, что и В. К. Арсеньев когда-то в Музее Общества изучения Амурского края (сейчас — музей им. В. К. Арсеньева) в качестве заведомо этнографии. Предметом же и моего интереса всегда была этнография малочисленных народностей Дальнего Востока. В одном из походов в музей им. В. К. Арсеньева еще в шестидесятых годах прошлого столетия я обратил внимание на небольшом стенде под стеклом на стандартный лист тетрадной бумаги в клеточку, на котором рукой В. К. Арсеньева было написано прошение на имя ректора ГДУ (Государственный дальневосточный университет), в котором путешественник испрашивал потребную сумму для организации экспедиции в Гижигинский уезд Охотско-Камчатского края на полуостров Тайгонос*. В. К. Арсеньев называл в прошении этот район «забытым краем», так как, по его мнению, путешественники обходили его стороной и о нем в литературе есть лишь отрывочные сведения, которые необходимо пополнить, проведя обследования в геологическом, экономическом, этнографическом и других аспектах. И подпись: «преподаватель В. Арсеньев, 1921 г.». Спустя почти десять лет, оказавшись в Гижиге, я стал собирать материалы, связанные с пребыванием в районе В. К. Арсеньева. Прежде всего обратился в местную библиотеку и запросил по МБА (межбиблиотечный абонемент) очерк В. К. Арсеньева «Гижигинский промысловый район» (журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока», Хабаровск, 1925). Пятый и шестой номера журнала получил через месяц. В 1974 году, проштудировав очерк В. К. Арсеньева, я обратился к своему другу, заместителю редактора газеты «Маяк Севера» Северо-Эвенского района А. И. Землянскому. В течение нескольких ночей он перепечатал очерк и один экземпляр передал мне. Эти пожелтевшие машинописные листки храню по сей день. К очерку я написал предисловие, и в течение полугода мы опубликовали его на страницах районной газеты. Надо сказать, публикация вызвала большой интерес у читателей, особенно среди специалистов различных отраслей хозяйства, занятых в оленеводстве, рыболовстве, охоте и пр. Откровением для многих читателей был сам факт пребывания В. К. Арсеньева в Гижиге в 1923 году, так как большинство людей так же, как и я когда-то, были в плену устойчивого представления о жизни писателя только в пределах Уссурийского края. Полагаю, что публикация очерка В. К. Арсеньева на страницах заштатной районной двухполосной газетки в 1974 году и по сей день, то есть после 1925 года, является единственной. Хотелось бы надеяться, что в издании нового собрания сочинений В. К. Арсеньева в издательстве «Рубеж» очерк «Гижигинский промысловый район» появится, поскольку в пятитомном собрании сочинений писателя, изданном в 1949 году (многим памятли эти маленькие зеленые томики), его нет. Как уже было сказано выше, публикация очерка «Гижигинский промысловый район» в 1974 году вызвала большой читательский интерес, ведь В. К. Арсеньев собрал и обобщил огромный фактический материал из жизни «забытого края» путем опросных данных, проверенных перекрестным путем, личных наблюдений, маршрутов по полуострову Тайгонос. Таким образом, приступая к изучению природы и истории полуострова Тайгонос, читатель из очерка В. К. Арсеньева получает исходные первичные данные. Как уже было сказано выше, биография В. К. Арсеньева изучена основательно. Есть, правда, пробелы, но они постепенно заполняются. Подтверждением может служить, например, работа Егорчева о «секретных экспедициях» В. К. Арсеньева в 1911–1913 годах, посвященная его борьбе с незаконным проникновением в Уссурийский край китайских звероловов, хунхузов и уничтожению плантаций опиумного мака.

* «Нос тайги». Так как тайга вторгается на полуостров с северо-запада, лес преимущественно лиственничный по берегам рек и не доходит до моря километров тридцать. — Авт.

Никоим образом не претендую на лавры первооткрывателя работы В. К. Арсеньева в Гижигинском уезде в 1923 году, но, полагаю, я один из первых, кто прошел его маршрутом спустя сорок лет. И еще прошли сорок лет с тех пор, как я уехал из Гижиги. И меня не оставляет желание в последний раз вернуться в Гижигу и пройти там «тропами Арсеньева», на которые я так много раз ступал в прошлой жизни. О своих походах по маршрутам В. К. Арсеньева я более подробно расскажу ниже, а сейчас несколько слов об общей характеристике очерка «Гижигинский промысловый район». Эти слова как бы предваряют мой поход с очерком В. К. Арсеньева по маршрутам путешественника.

Кроме данных о климате, реках, флоре, фауне и прочем есть и немало сведений о жизни людей «забытого края», способах хозяйствования и многом другом, характерном для района в целом. Так, например, описывая реки района от Ямска до Усть-Парени, автор характеризует не только их режим, но и рыбные запасы, состояние рыболовства в описываемый период, способы ловли, практикуемые местными жителями и рыбопромышленниками, способы засолки, сушки рыбы для собственного потребления и для прокорма ездовых собак, места рыбалок, меры ограничительного характера, дабы не подорвать популяцию, и др. Его сведения о животных субарктического пояса, о количестве добываемой пушнины, наиболее перспективных местах охоты, ареале обитания пушного зверя представляют интерес, на наш взгляд, как для охотников-профессионалов, так и для зоологов, охотоведов. В связи с этим автор поднимал вопросы о регулировании и упорядочивании охотничьего промысла. «Звероловство — весьма важное занятие для жителей Гижигинского района, — писал В. К. Арсеньев, — но добывание пушных зверей с каждым годом уменьшается. Местные жители охотой не занимаются, и потому у них нет ни пушнины, ни денег. Тунгусам охота как забава совершенно неизвестна. Они занимаются ею исключительно ради «куска хлеба», сбывая меха рыбопромышленникам в обмен на всякую заваль с высокой расценкой» (В. К. Арсеньев, «Гижигинский промысловый район», журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока», Хабаровск, 1925, № 6, с. 23).

Немало внимания в очерке уделено оленеводству как одной из наиболее значимых, наряду с рыболовством и звероловством, отраслей хозяйства района. Гижигинский район, по словам автора, более всего подходит для разведения северных оленей. Но, несмотря на благоприятные природные условия, тогда, не говоря уже о сегодняшнем дне, поголовье оленей год от года сокращалось. В 1907 году в Гижигинском районе насчитывалось около полумиллиона голов одомашненных оленей. В 1921 году — триста девяносто тысяч. Анализируя причины сокращения поголовья, автор приходит к выводу, что в связи с практикуемым ежегодно массовым забоем оленей (до семнадцати тысяч голов) строительство в Гижиге консервного завода нецелесообразно.

Особое место в очерке занимает проблема охраны природы. От внимательного взора исследователя не ускользают ни вред, наносимый рыбным запасам рыбопромышленниками, как русскими, так и иностранными, ни интенсивная вырубка лесов, ни сокращение числа лежбищ ластоногих. «Замечено, что лежбища, — писал он, — при незаботливом к ним отношении угасают очень быстро. Поэтому меры надо принимать безотлагательно, как только появились первые признаки угасания лежбищ. Если допустить где-нибудь массовый убой морского зверя два-три года подряд, то потом потребуется много лет, чтобы исправить вред, причиненный хищничеством» (журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1925, № 6, с. 23).

Жанр физико-географического очерка, избранный В. К. Арсеньевым для характеристики района в целом, имеет свои границы. Но автор постоянно их нарушает. И от

этого «нарушения» очерк только выигрывает. Вообще-то стиль типично арсеньевский — это сплав научности, художественности, публицистичности. Ученый и писатель живут в нем одновременно. Перед глазами читателей встают не только сухие цифры выкладок, но и живые картины быта населения, исполненные талантливой рукой писателя. Причем В. К. Арсеньев, не ограничиваясь констатацией фактов, давал им и глубокую оценку. Тревогой и заботой о благосостоянии, возрождении коренного населения, стоявшего на грани исчезновения, проникнуты строки очерка: «Если теперь же не будут приняты меры, — писал он, — водка окончательно сотрет этих несчастных с лица земли. Люди, живущие в городах, имеют много развлечений в виде театров, кинематографов и прочего. У туземцев ничего этого нет. Единственное утешение в его серой, угрюмой жизни — это бутылка водки. Воспрещение торговли спиртными напитками ни к чему не приведет. Закрывая доступ спирта в инородческие районы, нужно одновременно поднимать и культурный уровень населения. Только при этих условиях можно вести успешную борьбу со спиртоносами» (журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1925, № 6, с. 33–34). Нельзя сказать, что после В. К. Арсеньева в жизни «забытого края» все было плохо. В нескольких поселениях, расположенных на Тайгоносе, таких как Гижига, Тополовка, Чайбуха, были и есть школы, медпункты, клубы, библиотеки, детсады и др. Были живы колхозы и совхозы, где помимо оленеводства и рыболовства имелись молочные фермы, чахлое полеводство, теплицы, птичники, трактора, автомашины. Был северный завоз в навигацию, и если магазины не ломались от обилия товаров, то все самое необходимое для жизни имелось. Была и культурная жизнь: в той же Гижиге кроме библиотеки, клуба, медпункта и школы-десятилетки функционировали и музыкальная школа, и самодеятельность. И хотя в течение тридцатых — семидесятых годов, не говоря о годах перестройки и постперестройки, с карты района исчезли названия многих маленьких поселков, надеюсь, жизнь в Гижиге, Тополовке, Чайбухе не умерла окончательно. По тем редким, отрывочным сведениям, которые приходили ко мне из Гижиги за последние годы, были времена, что казалось, жизнь там умрет окончательно. Но Гижига, хочется верить, выстояла. Если, конечно, обстановка не приблизилась к той, описанной В. К. Арсеньевым, когда по причине политической нестабильности русские торговцы, иностранные шхуны не могли осуществлять снабжение поселения продуктами, предметами первой необходимости. Тогда люди, примирившись с отсутствием муки, соли, сахара, табака, боеприпасов и т. п., более всего страдали от отсутствия чая. Вместо чая пили отвары трав, ягод, а курили мох и высушенный заячий помет. Замена, прямо скажем, неадекватная. Не ставлю своей целью делать анализ причин, отбросивших многие поселки на грань выживания уже в наше время. Это предмет отдельного разговора и головной боли политиков, ученых, экономистов-рыночников и прочих эффективных менеджеров. Вернусь к очерку В. К. Арсеньева. Как документ, свидетельство эпохи, работа В. К. Арсеньева имеет не только познавательное значение, но и в ряде случаев носит рекомендательный характер. Ценность ее, надеюсь, еще и в том, что ученый попытался предвосхитить свое время. Возможно, работа эта когда-нибудь будет востребована не только с чисто познавательной точки зрения. Богатства Севера не будут пропадать втуне. Вот только вопрос в том, кем они будут разрабатываться, кому достанутся. Помнится, в году (если память не изменяет, когда убили Альенде) 1973-м, в начале декабря шли мы из фактории Камешки вверх по Гижиге на трех собачьих упряжках, нагруженных моим скарбом: бензин, электрогенератор, кинопередвижка «Украина», коробки с фильмами, большая десятиместная палатка, железная печка, спальные мешки, продукты. Где-то выше устья реки Ахавеем («плохая речка». — коряк.), по берегу Гижиги обнаружил огромные штабеля лиственничных бревен, истекающих смолой. Чувствовал, что

лес этот был заготовлен давно, и у меня сразу возникла мысль о том, что вывезти его отсюда в ту же Гижигу за добрую сотню с лишним километров невозможно, сплавить по реке по причине ее малой глубины также невозможно. Кто и когда заготовил и бросил этот лес? С этим вопросом я обратился к своему каюру Савве Куропаткину, эвену восьмидесяти лет от роду, который трижды крестился, так как всякий раз кроме очередного имени давали ему рубаху, муку, порох и свинец для дробы и пуль. Попутно я поинтересовался у Саввы, а не обманывали ли их русские купцы, когда за винчестер брали стопку мехов по длине приклада и ствола, за котел или чайник столько мехов, сколько входило внутрь, допустим, котла. На это Савва резонно отвечал, что медный чайник, прихваченный им в дорогу, служил еще его деду, а лисиц он всегда может наловить. Замечу, в данном случае едва ли речь шла о тотальном обмане. Если купец, продав товары в тундре, имел выручку в 700 % от затрат на их приобретение, то дорога съедала едва ли не всю прибыль. Я знаю, испытал на своей шкуре, что это такое — путешествие в тундре на собаках или оленях. Знаю, что такое холод, голод, пурга. Поэтому о каком массовом обмане инородцев может идти речь? Не знаю.

На вопрос же о том, кто заготовил и бросил по берегам Гижиги листовенничные бревна, Савва коротко ответил: Дальстрой, ГУЛАГ. По моему мнению, комментarii излишни.

«В будущем Пенжинской губе суждено сыграть видную роль в развитии Колымского края, ибо только отсюда сухопутным кратчайшим путем можно попасть на сплавную реку Омолон» (журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1925, № 6, с. 35). Хотелось бы, чтобы этот кратчайший путь, по которому и мне довелось пройти через перевал Станового хребта на собаках зимой, вел в возрожденные районы, а не к заросшим травой лагерям (я их видел) эпохи сталинского ГУЛАГа, где и кладбищ уже не найти, потому что многие могилы были обозначены воткнутыми в землю прутиками с написанными на них химическим карандашом номерами.

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Прежде чем отправиться в путь по маршруту В. К. Арсеньева 1923 года из Гижиги, которая в течение нескольких месяцев была отправной точкой его походов по району, повторю, что лет сорок тому я заведовал факторией в среднем течении реки. Надо сказать, что в те годы слова «фактория», «поварня» и др., возможно сохранившиеся со времен Российско-американской компании, звучали совершенно обыденно, а вовсе не как экзотизмы в «медвежьих уголках». Звучали по рекам и притокам Колымского бассейна Чукотки и Камчатки, побережью Охотского моря, где еще немало осталось черт от прошлого уклада жизни и самих вещей преклонного возраста, сохранивших память о былом. В том мире, который мне еще суждено было застать, время, казалось, остановилось, несмотря ни на какие «измы» и «хитрые мельгитанские штучки»*. Под мельгитанскими штучками старики подразумевали вертолеты, трактора, радиоприемники и другие блага цивилизации и относились к ним подозрительно. Но когда я в каком-нибудь стойбище запускал генератор, проводил во все палатки свет, или же запускал керогаз, или включал электрический наждак и точил для всего стойбища топоры и ножи, то они охотно всеми этими штучками пользовались. А когда я брался точить и разводить лучковые и двуручные

* Мельгитанин («огненный человек») — так коряки называли пришлых русских, скорее всего, причиной стали пищали огненного боя, изрыгавшие при стрельбе из ствола огонь и дым. Мельгички — спички (коряк.).

пилы и ножовки, ко мне выстраивалась целая очередь. По прошествии стольких лет с момента моего отъезда с Севера природа, надейся, осталась там первозданной и люди, надо полагать, мало чем рознятся от своих предков.

По свидетельству В. К. Арсеньева, в 1923 году по берегам реки Гижиги стояли четыре селения: в устье — Кушка (Куська), Гижига — восемнадцать верст вверх по реке, Левчик — двадцать пять верст, Крестовское — сорок верст. Кушка была основана в 1769 году, Гижига — в 1777-м. В 1873 году появился Гижигинский острог, бывший важным транзитным пунктом для доставки товаров и почты по зимнику из России на Чукотку и Камчатку. «Полетучка» — так, например, называли каюра, спешившего из Петропавловска-Камчатского доставить почту на нартах, запряженных ездовыми собаками. Гижигинский острог стал впоследствии уездным городом Гижигинском, трансформировавшимся в дальнейшем просто в Гижигу. В 1923 году в Гижиге проживали четыреста восемьдесят человек — эвенов, коряков, камчадалов*; из них русских — тридцать два человека. В селениях Кушке, Левчике и Крестовском жили сто сорок человек. Основными занятиями гижигинцев были оленеводство, звероловство, рыбный промысел, извоз.

В конце шестидесятых — начале семидесятых, связанных с моим пребыванием в районе, по реке Гижиге из четырех поселков остался один — Гижига, где находились правление оленеводческого колхоза «Расцвет Севера» (председатель — Харченко Евгений Михайлович), сельсовет, школа, больничка, клуб, теплица круглогодичная, метеостанция. И жили тогда в Гижиге человек триста русских, коряков, эвенов, камчадалов. Дотационный по тем временам колхоз «Расцвет Севера» имел несколько тысяч голов оленей в тундре, в верховьях Гижиги, в Парапольском Доле, в долине Омолона. Гижигинцы по сезону ловили в море селедку, били морского зверя. В устье реки Крестовской стоял колхозный дом, в котором жил сторож. Этот дом, отстоявший в одном переходе от Гижиги, давал приют на ночь странникам. В фактории Камешки, стоявшей от Крестовской километрах в тридцати, доживали свой век несколько семей пенсионеров коряков и эвенов, не пожелавших отрыватьяся от привычного уклада, связанного с охотой и рыбалкой. В Камешках колхоз содержал небольшой магазин, в который примерно раз в два-три месяца наезжал продавец из Гижиги. В этом магазинчике, заполненном самыми необходимыми продуктами и мануфактурой, как то: мука, соль, чай, масло, сахар, консервы, махорка, папиросы «Красная Звезда», «Беломорканал», сигареты «Дымок», — спиртного не было отродясь по известным причинам. Из мануфактуры были: рубахи в клетку, штаны, именуемые джинсами, простроченные красными нитками (после первой же стирки они видом напоминали половую тряпку), веревки, нерпичьи ремни, подошвы для торбазов из шкуры лахтаков и другие товары, необходимые кочевому люду, наезжавшему в факторию в разгар зимы и перед таянием снегов для встречи ежегодного национального праздника первого теленка. Выше я отмечал, что с октября по май мотался на собачьих и оленьих упряжках по стойбищам, разбросанным друг от друга нередко на сотни километров. Кинопередвижка «Украина», электрогенератор, банок тридцать фильмов, бензин и другой мой груз составляли целый караван. Без моих добровольных помощников каюров-инородцев, гонявших для меня собачьи и олени упряжки, едва ли я смог бы преодолеть бескрайние просторы Парапольского Дола, крутые горные перевалы, многочисленные наледи рек, таивших смертельные ловушки. Не раз наша жизнь висела на волоске. Но всякий раз, избегнув очередные опас-

---

* Камчадалы — часть ассимилированного населения Камчатки и побережья Охотского моря, говорившего на русском языке. К древним обитателям Камчатки — ительменам — они, камчадалы, никакого отношения не имеют.

ности пути, забывали о них, радовались скупому зимнему солнцу, хрусту снега под полозьями нарт, обжигающему ветру и воле.

НА ОБВЕКОВСКОЙ РЕЧКЕ

Свою экспедицию по маршруту В. К. Арсеньева 1923 года из Гижиги я решил начать с путешествия на Обвековскую речку (совр. — Авекова, у В. К. Арсеньева — Обвекова). В своем очерке «Гижигинский промысловый район» В. К. Арсеньев довольно подробно описывает дорогу к Обвековской речке. Следуя этому описанию, от устья Гижиги по отливу дошел я до Млечной сопки, поднялся на плато, отделяющее Гижигу от Обвековской речки.

Было начало сентября. Солнце, стоявшее в эту пору еще высоко, заметно пригревало, и если в лимане дул ветерок, отгонявший гнус, то здесь, на вершине плато, комариное облако обступило меня со всех сторон и следовало за мной повсюду. Все лето, как правило, мы мазали лицо, руки противокomarинной жидкостью с ясно выраженным спиртовым запахом, многих местных вводившим в соблазн. Рассказывали, что от употребления внутрь этой жидкости под названием «Дэта» были случаи со смертельным исходом. От частого употребления «Дэты» въедалась в поры, и на лице, и на руках после лета оставались черные потеки, которые удавалось смыть только после Нового года.

Итак, я спустился в долину Обвековской речки и вышел на небольшую галечную отмель, где вскоре увидел шалаш, крытый свежескошенной травой. В отдалении были устроены несколько вешал, на которых висели пластины первой юколы. Над дымящимся костерком из носика закопченного чайника пробивалась струйка пара. Из шалаша с кряхтением выполз старик коряк, приподнялся и пошел ко мне, припадая сразу на обе ноги. Надо думать, что такая походка вырабатывается от многолетнего хождения по кочковатой тундре в поисках «отбившихся от стада оленей». «Амто, тумгутум», — приветствовал я старика по-корякски. «Амто-о-о», — протянул старик, щуря свои подслеповатые глазки. «Как рыбалка?» — спросил я его. «Ма-а-ало», — протянул он. Как и большинство коренных уроженцев этого края — русские, коряки, эвены, камчадалы, — старик растягивал гласные. Я достал из рюкзака пачку чая «Краснодарский», печенье, а старик наполнил кипятком две кружки из чайника. По цвету, вкусу и крепости этот чай, многократно прокипяченный, заваренный прямо в чайнике, скорее всего напоминал туземный, предложенный Жаком Паганелем своим спутникам в Австралии. Мы попивали чаек и неспешно беседовали о рыбалке, охоте, погоде. Наконец я не выдержал и спросил старика, откуда он родом. Дело в том, что всех гижигинских коряков я знал в лицо. «Из Тополовки», — ответил старик. Село Тополовка отстоит от Гижиги километров на семьдесят и находится на полуострове Тайгонос. «Часто вы здесь рыбачите?» — «Каждый год», — ответил старик. «Кто-нибудь еще промышляет здесь рыбной ловлей?» — «Нету-у-у», — знакомо протянул старик. Собственно, удивляться здесь было нечему. С тех пор, как в начале шестидесятых перенесли в Гижигу небольшой поселок, бывший неподалеку от устья Авекова, никто из гижигинцев не претендовал на обитание в ее устье и в среднем течении. Поэтому на Обвековской речке, как и встарь, прочно обосновались тополовские коряки. Им, как и другим инородцам, в отличие от русских, властями было разрешено добывать на прокорм красную рыбу. Здесь же, сидя у костра, я открыл очерк В. К. Арсеньева «Гижигинский промысловый район» и прочитал: «Поблизости и намного южнее, но уже с Тайгоносского полуострова, течет река Обвекова, отделенная от Гижиги лишь небольшой сопкой, на которой когда-то стояло пирамидальное сооружение,

именуемое «маяком». Здесь ранее разгружались суда, доставлявшие продовольствие для казенных складов».

Река очень извилиста. Говорят, на маленьких лодках по ней можно подняться километров на тридцать. На нее зарятся многие рыбопромышленники, но местное население (коряки) просило кормилицу не отдавать. Они там обычно заготавливают себе юколу. Просьбу инородцев следует уважать, потому что большого промысла на реке создать нельзя.

День уже заметно клонился к вечеру, и я решил, что пора возвращаться домой, в Гижигу. Вскарабкался на водораздельное плато и пересек дорогу, соединяющую Гижигу с небольшим поселком Чайбуха, отстоящим километрах в двадцати. Чайбуха в те годы существовала в основном за счет аэропорта, в котором совершали промежуточную посадку и дозаправку самолеты, следовавшие курсом из Магадана в Анадырь и обратно. В воспоминаниях советского полярного летчика Водопьянова нашел описание аэродрома небольшого поселка Гижига, относящееся к тридцатым годам. Полагаю, самолет Водопьянова и тот комичный эпизод с потерей мешка денег на полосе, которые там валялись и никому не были нужны, а впоследствии были случайно найдены, произошел не в Гижиге, где никогда аэродрома не было, а в Чайбухе.

Летом в этих местах «дорога» — понятие условное. Это скорее колея жидкой грязи, доступная лишь для тракторов и вездеходов.

Обширное плато между Гижигой и Чайбухой, впрочем, как и вся окрестная тундра, изобилует отличной ягодой — морошкой, голубикой, брусникой, а по берегам рек встречаются кусты жимолости и красной смородины. Причем ягоды жимолости крупные, сизые, отдающие горчинкой. Нередко с одного куста можно собрать до ведра ягоды. Черной дикой смородины я не обнаружил ни в районе Гижиги, ни по другим рекам Гижигинского района. Но вот на реке Пенжинке, находящейся уже в пределах Охотско-Камчатского края, в районе села Слаутного (среднее течение реки Пенжины) и красной, и черной дикой смородины было достаточно. Кроме того, масса рябины, которая на Гижиге не встречалась.

Пройдя наискосок через плато в сторону Гижиги, остановился у крутого спуска в долину реки. Хождение по тундре, особенно летом, — удовольствие не из приятных. Мало того, беспрестанно жалят комары, порой доводя до изнеможения. Накомарники, как я заметил, местные практически не носят, но все спят исключительно под марлевыми пологам. Как-то летом я уснул в Гижиге в своей квартире без полога, а утром увидел, что часть стены перед кроватью в потеках крови и раздавленных комарах: ночью, во сне, я машинально сметал комаров с лица и давил их о беленую стенку. Ноги в болотных сапогах в тундровой почве вязли по щиколотку, иногда по колено. Каждый шаг давался с трудом. Если на пути вставали кочки, то они значительно затрудняли передвижение. Попытки идти между кочками или прыгать с кочки на кочку заканчивались плачевно. Часто я падал и в конечном итоге вымок насквозь. Где-то продвигался чуть ли не ползком, но кочкарник, куда я сдуру вперся в надежде сократить путь, к счастью, закончился. Мне случалось в Охотском районе вместе с эвенками преодолевать кочкарник верхом на олене. На хребте оленя подпругой крепилось седло, в левой руке — уздечка, а в правой — длинная палка, которой приходилось опираться о землю, когда седло вместе со мною кренилось на сторону. На одnogорбом верблюде, наверное, все же сложнее держать равновесие. Но на верблюдах мне не довелось путешествовать. В Гижигинском районе летом верхом на оленях не передвигаются, используют их только зимой в нартах. Скорее всего, гижигинские ездовые олени так же, как и чукотские, много мельче. Так вот: охотские верховые олени (учики) с седоками на своих длинных тонких ногах умудрились

легко находить путь между кочками. Летом же от стойбища к стойбищу чаще всего мы передвигались пешком, ведя в поводу каждый по несколько завьюченных лошадей. Все лето приходилось, передвигаясь пешком по тундре, не снимать высоких резиновых сапог, зато потом болели ноги от вечной сырости и холода. Вечная мерзлота начинается здесь прямо под раскисшей почвой. Такое ощущение, что холод накопился в костях за все годы, проведенные на Севере. Как летом, так и зимой, приходилось нередко спать на земле, слегка прикрытой ветками лиственницы или кедрового стланика. Подстилкой служила тоненькая оленья шкура. Еще раз повторю: вечная мерзлота. На меня и сейчас веет холодом от этих слов. Спустя сорок лет кости «помнят», и эта «фантомная» боль — единственное, если не считать воспоминаний о лучших годах жизни, проведенных на Севере, что будет меня сопровождать до конца моих дней. С вечной мерзлотой связаны и воспоминания о том, как мне доводилось несколько раз — как зимой, так и летом — хоронить умерших товарищей и копать для них могилы в промерзшей земле: в одном конце шурфа разводил костер, затем сдвигал головешки в противоположную сторону, отбрасывал несколько сантиметров оттаявшей земли и повторял эту процедуру до тех пор, пока шурф не достигал нужной глубины. Стенки же шурфа, как сейчас помню, были гладкими, как стекло.

Где-то часа через два пешего пути по тундре передо мною открылась Гижига — поселок в несколько десятков домов приткнулся у правого берега реки. С одной стороны — гладь Гижигинского лимана, с другой — тундра, ограниченная на горизонте отрогами Бабушкиных гор. А за селом, расположенным в низине, поднимается плато, на котором находится местное кладбище — единственное возвышенное и сравнительно сухое место, где гижигинцы дружно любили отмечать День советской молодежи. А над селом, над всеми окрестностями господствует вершина горы Бабушки. Она всегда служила для нас ориентиром, когда случалось выходить в море со зверобоями или из тундры, оставляя окрестности бывшего села Крестовского. Голый камень вершины Бабушки смягчали желто-зеленые склоны, поросшие травой и кустами кедрового стланика. «Глядя издали на склоны гор, — писал В. К. Арсеньев, — кажется, будто они покрыты плесенью. Впечатление это особенно сильно осенью, когда растительность принимает белесоватый, желтый или ржаво-бурый оттенок. И в самом деле! Все сопки лишены древесной растительности, если не считать за таковую кедровый стланик и заросли ольховника. Настоящие леса негустыми насаждениями встречаются по долинам рек и горным распадкам в местах, защищенных от губительных морских ветров. Они состоят, главным образом, из березы Эрмана, лиственницы, ольхи, тополя» («Гижигинский промысловый район», Хабаровск, 1925 год).

ВВЕРХ ПО РЕКЕ

Вторая половина сентября 1973 года в Гижиге была ознаменована обильными дождями и ветрами, налетавшими на поселок как всегда неожиданно, то с лимана, то с белеющих на горизонте вершин Станового хребта. В. К. Арсеньев в своем очерке «Гижигинский промысловый район», в разделе, посвященном характеристике климата Гижигинского уезда, писал: «Погода здесь крайне изменчива в любое время года». И действительно, летом ветры с моря (летний муссон), кроме дождей, несут туманы и микроскопические капли дождя, именуемые бусом. Зимой случаются оттепели (как правило, декабрь-февраль), когда с неба сыплется бус, снег размокает, затем внезапно приходят морозы и сковывают землю ледяным панцирем. Это приводит к массовому падежу оленей, случалось, гибли и люди.

Первые заморозки наблюдаются в июле. Обычно морозы в сентябре по утрам прихватывают воду в лужах. Чем дальше от моря, тем раньше на землю приходят морозы. В Гижиге в сентябре был свидетелем такой картины: утрами в северной части поселка вода в лужах была покрыта хрупким звенящим ледком, а в южной, что прилегала к морю, она не замерзала. Больших морозов в Гижиге не бывает. Зимний минимум здесь -37 , -38 °С, но в пятидесяти — восьмидесяти километрах от моря холоднее градусов на двадцать. Обильный снег обычно выпадает числа шестого-восьмого октября. Становятся реки, озера, протоки, начинается езда по зимнему на собаках и оленях в нартах. Зимой в Гижиге и окрест нередко ветер ураганной силы со снегом (пурга), погребаящие как отдельных людей, застигнутых в пути, так и целые селения.

По данным Гижигинской метеостанции за 1921 год, приведенным в очерке В. К. Арсеньева, погода в Парапольском Доле распределяется следующим образом: ясных дней — 42, пасмурных — 200, дождливых — 79, туманных — 22, снежных — 52; число бурь — 31. За год дней с температурой выше нуля — 108, ниже нуля — 252. Здесь же, в очерке В. К. Арсеньева, приведены сведения о месте Пестрая Дресва (Долина Смерти), расположенном на полуострове Тайгонос. Узкая речная долина с резким уклоном круто обрывается в море. Зимой долина представляет собой сплошную скользкую наледь. Когда каюры на собачьих упряжках зимою преодолевали долину, то останавливались, определяли силу ветра, и если ветер был силен, то ждали, когда он ослабнет. Нередки были случаи, когда внезапно налетавший ветер сносил в бушующее море нарты вместе с собаками и ездоками. В литературе времен хрущевской оттепели (в Магадане за этот период было издано немало книг, посвященных истории Дальстроя, ГУЛАГа) описан случай, когда в тридцатых годах с парохода в начале зимы в Пестрой Дресве высадили на обрывистый берег группу заключенных, но тут внезапно налетел ветер, и люди не смогли удержаться на скользком льду. Всех сдуло в море, и они погибли. О Пестрой Дресве и об истории гибели заключенных, каюров, пограничников мне рассказывал местный житель, восьмидесятидвухлетний эвен Савва Федорович Куропаткин. Но раньше всех, получается, Пеструю Дресву упомянул В. К. Арсеньев.

Сентябрьская непогода грозила нарушить все мои планы, но двадцатого сентября дожди прекратились. В Гижиге на несколько дней установилась сухая и ясная погода. Утрами уже жег крепкий морозец, ноги даже в грубых резиновых сапогах ощущали все неровности замерзшей земли. А прихваченные морозцем лужи днем оттаивали, и появлялись мириады мошки и комаров. Двадцать второго сентября, часов в шесть утра, я вышел из дома и, следуя единственной улицей поселка, увидел на дороге одинокого пешехода. Навстречу мне шла бабушка-трамвай. Не хочу сказать, что когда-то старушка тронулась умом, но она была местной достопримечательностью, потому что ходила бесцельно, иногда ночами напролет из одного конца поселка в другой. Уж ежели речь зашла о местных уникамах, то не могу не отметить еще одного праведника — Алексея Акимыча Марченко, по прозвищу Аврора. Как-то Алексей Акимыч заснул на улице пьяненький, ребяташки, местное хулиганье, напялили ему на голову детскую матросскую бескозырку, на которой мелом вывели надпись «Аврора». С тех пор и повелось — Аврора да Аврора. А настоящее имя-отчество как-то подзабыли. Между тем Аврора был участником Великой Отечественной войны, служил в кавалерийском корпусе генерала Белова. И когда я спросил Аврору, как ему служилось и довелось ли шашкой рубать немцев на полном скаку, он ответил: «Рубал. Аж хрустело». Его любимой присказкой было: «Эх, душа бумажная! Шашки наголо!» Как-то на Девятое мая, когда в местной газете «Маяк Севера» чествовали участников войны, то среди прочих написали: «Аврора Марченко». По-видимому, местный журналист взял инфор-

мацию по телефону у кого-то из гижигинцев, а тот среди нескольких участников войны то ли по простоте душевной, то ли не без умысла назвал Алексея Акимыча Авророй. Обычно на Девятого мая Аврора приходил в единственный поселковый магазин, и, даже если в продаже не было спиртного, ему всегда в этот день в знак уважения бутылку горькой выдавали. Как сейчас помню, заходит Аврора в магазин, небрежно распахивает телогреечку фронттовую, а на груди целый иконостас, в том числе и пара орденов Славы. Весельчак и балагур, он жил в общаге, именуемой кильдымом. Не дурак был выпить. В колхозе «Расцвет Севера» был кем-то вроде грузчика-экспедитора. И как-то поручили ему вместе с другими рабочими доставить вверх по реке (бечевою, как бурлаки на Волге) в факторию Камешки кунгас, груженный продуктами, ГСМ и, наконец, двухсотлитровой бочкой со спиртом. Несколько дней «бурлаки на Волге» тянули вверх по реке кунгас, сведения об их передвижении поступали из Гидропоста, из бывшего селения Крестовского в сорока километрах от Гижиги. А после Крестовского «бурлаки» пропали. В правлении колхоза забеспокоились. Отправили людей на мотолодке на поиски. Поиски оказались тщетными. Но спустя несколько дней из Крестовского по радию в Гижигу сообщили, что люди отыскались. Они по ходу следования забились в одну из глухих проток и, пока не выпили все двести литров спирта, никому на глаза старались не показываться. Понятно, крайним оказался Аврора. Он рассказывал, что получил срок, тянул его где-то в лагере под Магаданом. Срок, надо сказать, небольшой. С учетом воинских заслуг, он его, по словам героя, на одной ножке отстоял. Награды отобрали, но затем вернули.

Я почему так упомянул об Авроре, как и о бабушке-трамвае? Да потому, что неординарными личностями Крайний Север всегда славился. Такие оригиналы хорошо описаны в книгах Олега Куваева «Правила бегства» и «Территория». Эх, какое время было! Какие люди нас окружали, которых мы, в большинстве своем, так мало ценили! Не знаю, доведется ли мне спустя сорок лет после описываемых событий приехать в Гижигу. Но я непременно найду на местное кладбище и попытаюсь разыскать могилы людей, с которыми жил бок о бок в Гижиге, в фактории Камешки, с которыми прошел сотни километров по тундре, о которых буду хранить воспоминания до конца своих дней. А на сегодняшний день, когда я пишу эти строки, мне исполнился семьдесят один год. Успею ли?

Я миновал колхозные огороды и ускорил шаг, потому что предстояло пройти в один день сорок километров по тундре до избы в Крестовском, где предполагал заночевать. Часов в семь утра переправился на левый берег Гижиги, километра в двух от поселка, у колхозных огородов и теплицы. Следует оговориться, что неустойчивый климат, летние заморозки все же дают возможность гижигинцам хотя бы раз в три года выращивать в открытом грунте картофель, капусту, репу, турнепс. В Гижиге в штате колхоза даже был свой агроном. Во времена В. К. Арсеньева в этих местах земледелием никто не занимался. Огороды гижигинцев возле своих домишек были невелики, несмотря на то что свободная земля простирается за горизонт. Каждый квадратный сантиметр обрабатываемой тундры давался тяжким трудом. Помнится, в Магадане в начале семидесятых я прочитал книгу Вячеслава Пальмана «За линией Габерландта», изданную тамошним издательством. В ней приводилась теория немецкого агронома Габерландта, доказывавшего, что за восьмидесятой параллелью занятия земледелием невозможны. В этой же книге автор рассказывал, вопреки мнению Габерландта, об истории создания первых колымских совхозов Дальстроя и ГУЛАГа, что, впрочем, одно и то же. Колхозы, по замыслу их создателей, должны были обеспечивать овощами колымские прииски, потому что подвоз овощей колхозами за тысячи километров был рискованным. Видя в той же Гижиге все сельхозпотуги (поля, круглогодичная теплица, молочная ферма,

птичник) и затраты на производство, уже тогда мне в голову закралась крамольная мысль: а может быть, этот развенчанный в советские времена Габерландт был в чем-то и прав? Ведь во времена Дальстроя и ГУЛАГа разве считались с рентабельностью, когда ради какой-нибудь эфемерной идеи приносили в жертву людей, средства. Впрочем, это предмет отдельного разговора. Приведу один пример: государство у колхоза «Расцвет Севера» принимало мясо по четыреста пятьдесят рублей за один килограмм живого веса. А в магазине оленина стоила один рубль восемьдесят копеек.

По узкой тропке, причудливо вившейся у самого берега реки, я пошел вверх по течению. Приключения начались. Было морозно, глухо шумел поток на порогах, но шум его казался нереальным и не мог нарушить общего оцепенения природы, замершей в предутренней дреме. Над всей рекой, над окрестной тундрой стелился туман. Казалось, он скрадывал звук шагов. Хотя на мне была теплая одежда: брезентовая, утепленная байкой куртка с капюшоном, утепленные брюки, шапка-ушанка, меховые рукавицы, а на ногах — высокие резиновые сапоги, холод пробирал до костей. В надежде согреться все ускорял и ускорял шаги. Временами тропка исчезала, тогда напрямик без дороги шел по тундре, ориентируясь на шум реки. Вопреки моим ожиданиям, тундра не замерзла, а лишь покрылась тонкой коркой заиндеветшей травы, рвущейся под сапогами. Ноги по щиколотку погружались в болотистую почву, затрудняя продвижение вперед. Вскоре солнце поднялось над горизонтом, туман постепенно стал редеть. На вершине очередного увала оглянулся и увидел четкую строчку своих следов, вспыхивающих под лучами солнца сотнями маленьких радуг от мельчайших капелек росы, осевшей на посеребренной инеем траве.

Отсюда, с левого берега Гижиги, на сотни километров, до отрогов Анадырского нагорья, простирается обширная безлесная тундра, известная среди коряков под названием Парапольского Дола. «Вся местность в низовьях Гижиги, — писал В. К. Арсеньев, — совершенно лишена лесов, лишь кое-где по тундре разбросана в одиночку кустарниковая лоза и низкорослая береза. Единственное место, где растет сравнительно хороший лес, — это река Туромча, впадающая в Гижигу с правой стороны». На правых притоках Гижиги — реках Большой и Малой Туромче, Тавтандя (Ягодная. — коряк.), Консал (Трубка. — коряк.) — и других мне довелось побывать. Строчкой лиственничный лес там действительно произрастает. Кроме того, лиственничные леса по долине Гижиги начинают встречаться выше села Крестовского по обоим берегам реки, но они носят узкий, ленточный характер.

Выше я упоминал о штабелях лиственничного леса, заготовленных по обоим берегам Гижиги в тридцатых годах заключенными ГУЛАГа. В верхнем течении Гижиги — там, где местность поднимается при переходе к перевалу Станового хребта на притоках реки Ирбычан (сто тридцать девять километров от устья), отделяющего реки Колымского бассейна, — на смену лесам приходят в основном заросли кедрового стланика. При спуске с перевала в бассейн Омолона, впадающего в Колыму с правой стороны, я также видел тонкоствольные лиственницы по берегам рек (река Кегали и другие притоки Омолона). Говорят, в месте слияния Омолона с Колымой есть могила известного путешественника И. Д. Черского, но до этого места я не дошел. Кстати, одна из повестей О. Куваева посвящена его сплаву по Омолону. В этой повести упоминается просто Река с большой буквы. Но этот факт известен немногим посвященным.

На спуске с увала я обнаружил старую конскую тропу, по которой во времена В. К. Арсеньева из селения Кушки (в устье Гижиги) доставляли вьючно в уездный город Гижигинск товары для казенной надобности. Об этой тропе я не раз слышал в поселке. Тропа представляла собою траншею сантиметров семьдесят

глубиной и столько же шириной. Идти по ней было удобно, но, к сожалению, она скоро закончилась. Миновал стороной Гидропост, где тогда проживало наблюдатель с семьей. Обошел берегом несколько небольших озер, преодолел вброд Багулинский исток и вскоре пришел в Старую Гижигу, как ее называли коренные уроженцы этих мест. Как уже было сказано выше, на этом месте стоял когда-то уездный город Гижигинск, основанный в 1772 году, бывший до тридцатых годов XX столетия административным, торговым и культурным центром обширного уезда, включающего в себя как Охотское побережье, так и часть Чукотки и Камчатки. По воспоминаниям путешественников конца XIX — начала XX столетия, в Гижиге рядом с массивными строениями, срубленными из лиственницы, соседствовали убогие деревянные домишки из плавника, земляные юрты и балаганы, крытые листами ржавого железа, цинковками. Старожилы утверждают, что в захолустном Гижигинске было три церкви. Не знаю, насколько достоверна эта информация, но, судя по одной случайно сохранившейся фотографии начала XX века, на которой изображена Гижигинская церковь, она вполне могла бы сегодня охраняться государством как культовый архитектурный памятник прошлого и одна из старейших церквей на Крайнем Северо-Востоке России. Возможно, эта церковь уже стояла в Гижигинске, когда не было еще ни Хабаровска, ни Владивостока. Тогда, в 1975 году, на месте Старой Гижиги работники колхоза «Расцвет Севера» заготавливали сено, которое вывозили по зимнику в саях, запряженных лошадьми. Окрест простирались небольшие холмики, поросшие травкой и карликовой березкой. Эти холмики, скорее всего, скрывали жилые дома, церкви и др. В 1975 году, насколько мне известно, никто из археологов не занимался там раскопками.

Вначале я уже приводил (по очерку В. К. Арсеньева, 1925 г.) численный состав населения по состоянию на 1923 год. Считаю не лишним напомнить эти цифры. Итак, в четырех селах по реке Гижиге — Кушке, Левчике, Старой Гижиге и Крестовском — проживали всего 762 человека, из них русских — 32, остальные — эвены, коряки, камчадалы. По состоянию на 1975 год, относящийся ко времени моего проживания в Гижиге, здесь было: 416 эвенов, 67 коряков, 198 камчадалов и 219 русских. Всего 900 человек. Во времена В. К. Арсеньева население уезда занималось в основном выпасом оленей, рыболовством, охотой, почтовой гоньбой, извозом. Люди плохо знали ремесла, за исключением разве что кузнечного. Так, например, с давних времен славятся знаменитые пареньские ножи, сохранившие по сей день свое название и форму. Такой старинный пареньский нож был и у меня. Его подарил мне старик Савва Куропаткин. Рукоятка из рога снежного барана (толсторог) прямая. Лезвие шириной три с половиной сантиметра, длиной двадцать пять сантиметров. Заточка с одной стороны, кончик округлой формы. Тупой обушок, которым можно было дробить берцовые кости оленей, чтобы полакомиться мороженым костным мозгом, если дело происходило зимой. Сама сталь лезвия ножа отливала синевой, на нем был и небольшой растительный орнамент. Заточку лезвия проверяли, как правило, ударом по лезвию другого ножа. Если на пареньском ноже не оставалось зазубрины, то такой нож отвечал всем кондициям. Такие ножи производили в основном в селении Усть-Парень, что находилось на реке Парень, севернее Гижиги, в оконечности Пенжинской губы. По словам старика Саввы, в двадцатых годах у селения Усть-Парень затонул пароход, груженный американскими автомашинами марки «Форд». Жители селения доставали из-под воды эти автомобили, а на изготовление ножей шли рессоры от «Форда». В конце семидесятых мне довелось побывать в отрогах Анадырского нагорья вместе с пастухами-оленоводами. Там, где великая северная река Анадырь берет начало и называется Анадырь-купол. Это ручеек, который можно перешагнуть. Так в романе Т. Семушкина «Алитет уходит в горы» именно в отроги Корякского нагорья

ушел главным героем. Это реальное историческое лицо. Старик Савва его знал. Он в тридцатых годах сдался властям и покончил с собой в КПЗ поселка Певек.

На одной из вершин, куда я из любопытства забрел вместе с одним из пастухов, обнаружил угольки от костра, а поверх этих угольков лежали пареньский нож без рукоятки и наконечник копья. Оленевод мне объяснил, что это место захоронения. Тело, по-видимому, сожгли, а в «страну вечной охоты» охотнику дали с собою нож и копье, служившие ему при жизни. Коряки, в отличие от эвенов, были язычниками. Обгоревших костей на вершине я не нашел. Окрест простирались цепи гор Корякского нагорья. На одной из них, по свидетельству стариков коряков, они нашли остатки деревянного плота. Не исключено, что десять тысяч лет тому назад, когда был Всемирный потоп, на этом плоту кто-то спасся, причалив к вершине горы. Надо сказать, что на Крайнем Севере дерево, металл сохраняются надолго, если не навсегда. На берегу Охотского моря мне случалось видеть заломы из деревьев в значительном удалении от уреза воды. Значит, в годы трансгрессии (подъем уровня моря) эти деревья были так далеко отнесены. Не могу судить о том, как давно это было, сколько сотен лет прошло. Но деревья не сгнили и, возможно, лежат по сей день на этих диких берегах.

Но я отвлекся. Что касается занятий людей в Кушке (Гижига) по состоянию на 1975 год, то, кроме охотников, рыболовов, зверобоев-промысловиков, оленеводов, среди работников колхоза «Расцвет Севера» из числа лиц коренной национальности было тридцать шесть специалистов: медики, учителя, ветврачи, зоотехники, механизаторы. И восемнадцать человек дополнительно получали образование в институтах, техникумах, ПТУ. Русские приезжали на Крайний Север не только за туманом, но и затем, чтобы, отработав по трудовому договору и скопив денег, купить на материке квартиру, дом, автомашину. Правда, уехав на материк, теряли все надбавки районного коэффициента. А многие так прикипали к Северу, что впоследствии возвращались обратно, а вернувшись, начинали все с нуля. Да и на пенсию, при условии непрерывной работы в течение пятнадцати лет, мужчины выходили не в шестьдесят, а в пятьдесят пять лет. Не знаю, как там сейчас, в милой моему сердцу Гижиге, фактории Камешки, где проходила большая часть моей четырехлетней работы. Живы ли дом в Крестовской, фактория, поварня на реке Ахавеем, скала, под которой я ловил на блесну гольцов и хариусов?

Но продолжу свой путь вверх по Гижиге. Кроме болот, многочисленных озер, соединенных протоками, на пути попадались препятствия в виде труднопроходимых зарослей кедрового стланика. Не знаю, как удавалось пробраться через него оленям с ветвистыми рогами, но проходили они свободно. Я же нередко барахтался беспомощно и искал обходной путь. Но более всего мне досаждали притоки. Летом, в пору малой воды, большинство из них легко преодолеть вброд, но осенью, после затяжных дождей, они были переполнены. Рюкзак весом килограммов в двадцать пять в начале пути не отягощал, но перед каждым значительным водным препятствием приходилось содержимое его перебрасывать на другой берег в несколько приемов. Для этой цели мне служил прорезиненный водонепроницаемый мешок, за который я цеплялся и плыл к противоположному берегу. Совершив гольшом несколько таких заплывов, дрожа от холода, одевался и шел вперед. Дабы не тратить много времени в надежде добрести до Крестовского, где меня ждали ночевка в теплом доме и чай, съел на ходу кусочек сала, несколько галет и горсть собранной по пути голубики. Часов около четырех дня я окончательно выбился из сил и проклинал себя за то, что не воспользовался услугами мотолодок, которые несколько раз прошли мимо меня вверх по реке. После того как удалось преодолеть очередную водную преграду, решил отдохнуть на берегу притока и основательно подкрепиться. День уже, как говорится, заметно клонился к вечеру. В

глубине души я сознавал, что засветло до Крестовского мне не добраться. Сломал несколько сухих веток кедрового стланика, развел скупой тундровый костерок и пристроил над огнем двухлитровую жестянку из-под абрикосов. Во-первых, весила она немного, во-вторых, чай, сваренный в таком котелке, немного отдавал железом, плавающие в нем угольки, листья и ягоды брусники, собранные тут же у костра, придавали напитку непередаваемый аромат. А если в котелок засыпать половину маленькой пачки индийского чая со слонем на этикетке, то удовольствие истинное для тех, кто эти вещи понимает. Такой чай, со слонем на этикетке, более всего ценился аборигенами в Гижиге, неплохи были краснодарский и плиточный чай непонятного происхождения. Кружку в походе предпочитал алюминиевую. В ней чай кажется особенно горячим, но так же быстро и остывает, особенно зимой у костра. И с котелком, и с кружкой все никак не мог расстаться. Они служили мне вот уже несколько лет, хотя двухлитровую банку из-под абрикосов (котелок) приходилось порой менять по той причине, что жестянка быстро прогорала над открытым огнем. С годами, как я заметил, появляется суеверная привязанность к старым вещам, верность привычкам. Так, например, шерстяной водолазный свитер, полученный мною в бытность службы на флоте, флотский ремень, бушлат, форменка, тельняшка и бескозырка с надписью «Тихоокеанский флот» верой и правдой служили мне второй десяток лет и вызывали всегда восхищение и зависть аборигенов. Блеск надраенных пуговиц с якорьками приводил всех, в том числе и стариков, в восторг. Не раз мне предлагали обменять эти раритеты, которые я надевал или на День Военно-морского флота, или в исключительных случаях, для понта, когда приезжал в незнакомое стойбище. Как видно, и ваш покорный слуга не чужд тщеславия и всяческих суеверий.

Характер растительности выше Старой Гижиги стал постепенно меняться. Вместо редкого ольховника и кедрового стланика появились низкорослые лиственницы, тополя. Вокруг было так много спелой брусники, что я шел прямо по ней, оставляя «красные» следы. Я уже отмечал, что Гижиге свойственна закономерность: чем дальше от моря, тем суровее климат и выше деревья, разнообразнее характер растительного покрова.

День уже клонился к вечеру, но до Крестовского, где собирался заночевать, по приблизительным подсчетам оставалось километров пять-шесть. Расстояние я определил на глазок, так как не единожды сплавлялся на плоту или на резиновой лодке из фактории Камешки и характерные приметы берегового русла запомнил накрепко. Как я ни ускорял свой шаг, но темнота в этих местах глубокой осенью пала внезапно. Причем абсолютная, глухая темнота, в которой, как говорится, не видно ни зги. Остаться в тундре на ночлег было по меньшей мере неразумно. Медленно, спотыкаясь на каждом шагу, вытянув, как слепой, руки вперед, нередко опускаясь на четвереньки, брел среди кочек буквально на ощупь, ориентируясь лишь на шум реки слева. Ближе к берегу реки старался не приближаться, чтобы ненароком не сверзиться в воду с высокого обрыва. «Если буду держать реку все время на одном расстоянии от берега, — рассуждал я, — то выйду точно к Крестовскому, которое находится в месте слияния Гижиги и реки Черной». Часа через два слепого хождения услышал приглушенный расстоянием лай собак и понял, что цель близка. Вскоре увидел в окне свет керосиновой лампы, служивший мне маяком. Из печной трубы в небо полетели снопы искр, по-видимому, хозяева пошуровали кочергою в печи. Неподалеку от дома, на расстоянии приблизительно ружейного выстрела, стал кричать: «Эй, хозяева, принимайте гостя!» Я знал, что, приближаясь к одиноко стоящему в тайге или тундре дому, надо подавать голос, если не хочешь получить заряд картечи. Я с трудом ввалился в избу. В лучших традициях тундрового гостеприимства на печке кипел чайник, на столе — немудреная еда в

виде лепешек, соленой кеты, грибов и брусники. Пошли взаимные приветствия и расспросы о жизни в Гижиге, о том, за каким чертом я брел пешком, когда даже старожилы не помнят, чтобы летом или зимой кто-нибудь шел сорок километров, рискуя на каждом шагу. Я не стал объяснять, что пройти пешком по маршруту В. К. Арсеньева, увидеть все собственными глазами было моей целью. Кстати сказать, и зимой я несколько раз ходил пешком из фактории Камешки (тридцать километров) до Крестовского, где оставался на ночлег. Но тогда я всегда шел по тракторному и санному следу, волоча за собою легкую нарту, а в ней — ружье с припасом, топор, котелок и другие принадлежности странника. Путь от фактории до Крестовского по зимнику обычно преодолевал легко. Так же легко в начале пути шел на следующий день до Гижиги (сорок километров), ориентируясь на вершину горы Бабушка. Трудности пути ощутил во второй половине дня, изрядно подустав. Идя по тундре, я старался как можно реже смотреть в сторону Бабушки, которая приближалась так медленно. Хождение зимой даже по прибитому снегу изматывало. В конце пути старался не садиться в снег и не отдыхать, потому что боялся заснуть и замерзнуть. Где-то я читал, что так же присели отдохнуть в снегу участники одной полярной экспедиции, завидев огни Нижнеколымска. Присели и... замерзли. Так же год тому замерз один мой знакомый, молодой парень из Гижиги. Отработав три года по трудовому договору, он перед Новым годом решил уехать на материк, на родину. До аэропорта в Чайбухе было восемнадцать километров. Его желание уехать было так велико, что он не стал дожидаться оказии и отправился пешком налегке. Его нашли замерзшим километрах в полутора от Чайбухи.

Летом и зимой в Крестовском, в единственном доме, недавно отстроенном колхозом взамен обветшавшего, жила семья пенсионеров из русских. Их заботой было давать приют «очарованным» странникам вроде меня и возчикам сена, заготовленного окрест бывшего селения. Травы на заливных лугах в этих местах нередко в рост человека. Мне довелось вместе с инородцами поработать на покосе близ фактории по берегам озер. Косу иногда трудно было протащить в такой густой траве. Но луговым разнообразием, обилием цветов она не отличалась. На зиму в фактории колхоз оставлял десятка два лошадей, к которым был приставлен конюх Ленка Зиновьев. Но ему одному не удавалось справиться с заготовкой сена. Хотя лошади были якутской породы, низкорослые и лохматые, могли сами копытить снег, но он был настолько глубоким, что из вырытых лошадьми копанок торчали только их крупы. Поэтому мы в самое тяжелое время возили им сено для подкормки. Добавляли и комбикорм. Склад в фактории был затарен мешками с комбикормом, который брали и пастухи, чтобы подкармливать оленей.

Морозным осенним утром двадцать третьего сентября я взвалил на спину рюкзак, булькнувший ненароком. Рюкзак я облегчил на одну бутылку водки, так как не угостить гостеприимных хозяев было не по-божески. Следует заметить: когда гижигинцы, имевшие родню в фактории и в тундре, узнавали о том, что я собираюсь в Камешки, ко мне тянулись родственники с посылками. О содержимом каждой посылки можно было лишь догадываться: бутылка водки, несколько пачек сигарет, конфеты-карамельки, чай. Штук пять посылок, каждая весом до двух килограмм, были тщательно упакованы и снабжены бирками с указанием адресата. Таким образом, я был не только гонцом, но и спиртоносом. Люди понимали, что я пойду в факторию пешком, а потому вес посылок был ограничен. Гонцом я считался надежным, потому что не было случая, чтобы я распотрошил и выпил содержимое хотя бы одной бутылки. А посылка с гостинцами и единственной бутылкой была для стариков, живших в фактории, поистине праздником души. Едва ли кто меня за это тогда осуждал даже из числа партийных товарищей, которые строго блюли все устои нравственности, а меня постоянно осуждали за беспорядочные,

как они считали, половые связи с молодыми туземками. Как я ни доказывал, что связи мои по обоюдному соглашению и не беспорядочные, а строго по «графику заезда», чтобы участницы не пересекались, обвинения оставались. К тому же мне, работнику идеологического фронта, это было не к лицу. Но об этом ниже.

Старик сторож перевез меня в лодке на высокий правый берег Гижиги, откуда до фактории, как уже было отмечено выше, оставалось километров тридцать. Преодолев заросший лиственницей берег реки, вышел я на границу леса и тундры, тянущейся до самой фактории. Часов в двенадцать дня миновал озеро Кочковатое и оказался на старой тракторной дороге. Идти по ней было несравненно легче нежели напрямик по тундре, так как вода в колеях замерзла и выдерживала мой вес. Часа в два пополудни миновал озеро Красовского (описано у В. К. Арсеньева в очерке «Гижигинский промысловый район»), которое имеет вытянутую форму и состоит из двух озер, соединенных каналом. «В Гижигинском районе, — писал В. К. Арсеньев, — нет больших озер, но малых много. Все они неглубоки и населены частичковой рыбой, которую никто не ловит». Слева от меня находилось еще одно озеро — Ложникова, но пришлось оставить его в стороне от маршрута, потому что дорога к нему не вела. Кстати сказать, озеро Ложникова я знал хорошо, так как однажды зимой пришел к нему пешком из фактории на ночь глядя. Прежде чем утром забросить блесну, часа три или четыре под луною, дававшей достаточно света, долбил прорубь. Спешить мне было некуда. В яме, усталой веточками лиственницы, было не заснуть. Поэтому, замерзнув, вскакивал и долбил лед в надежде согреться в движении. Хотя на мне были надеты две кухлянки*: одна мехом внутрь, другая мехом наружу, меховые штаны, торбаза, малахай и меховые же рукавицы — классическая экипировка тундрового пастуха-инородца, но заснуть без мехового спального мешка (кукуль. — коряк.) не представлялось возможным. С первыми лучами солнца, которое поднялось среди редких лиственниц и было таким огромным, красным, что казалось, до него можно было дойти и дотронуться рукой, я еще в течение часа долбил лед двухметровой толщины. Как сейчас помню: вода с шипением поднялась над лункой, грозя залить торбаза. Чудом я отскочил и вот тогда-то, не дыша, запустил в прорубь блесну из оленьей кости с грубым крючком из стальной проволоки. На кончике крючка был привязан оленьей жилкой кусочек выделанной кожи. Такой грубой и примитивной снасти мне еще не доводилось видеть, но старичок коряк, подаривший мне эту «блесну» в одном из стойбищ на Омолоне, уверил, что «блесна» уловистая. И он не обманул. Щуки хватили ее — она не успевала достигать дна. Глубина озера не превышала двух метров. Замечу, что за годы работы в районе Гижиги мне довелось порыбачить на многих озерах, реках, притоках. Что касается озер, то большинство из них населены щукой одного размера, до одного килограмма весом, но в некоторых встречается хариус, налим. Как-то в газете «Магаданская правда» я описал рыбалку на озере Мельникова (статья «Озера ждут рыбаков»), что находится на левом берегу Гижиги километрах в пятнадцати от фактории Камешки. Озеро имеет округлую форму с километр в диаметре, окружено редким лиственным лесом. С одной стороны в него впадает незамерзающая протока, в которой, по словам моего каюра Халкачана (молоток. — эвенск.), остаются иногда на зимовку несколько лебедей. К сожалению, достоверность этого суждения мне не довелось проверить. Мы так были увлечены зимней рыбалкой на этом озере, что за день полностью загрузили нарты мерной щукой, которую потом разделили среди обитателей фактории.

---

* Кухлянка — глухая куртка из шкуры оленя, в основном двойная: наружная (мехом наружу) и внутренняя (мехом внутрь), с капюшоном или без. Зимой носится в два слоя, в теплое время — в один (чукотск.).

Итак, в газете «Магаданская правда» в своей статье я описал в довольно поэтических красках красоту зимнего озера Мельникова, попутно упомянул В. К. Арсеньева в связи с его утверждением о том, что в таких озерах, населенных частичковой рыбой (щука, хариус, налим), никто рыбу не ловит, а в рыбкоопах района днем с огнем не найдешь озерной рыбы. Кроме того, высказал мысль, что неплохо бы по берегам таких озер установить промысловые избушки (поварня. — местн.), где бригадою из двух-трех человек в сезон и ловить озерную рыбу, попутно занимаясь зимней охотой, летом и осенью — заготовкой грибов и ягод. Я прекрасно понимал, что высказанная мною идея носит утопический характер, так как за дальностью расстояния от поселка вывозить улов можно разве что самолетами Ан-2. Дорого, к тому же жизнь вдали от поселков без женского общества, без кинематографа и магазина многим непривычна. Хотя подобного рода промыслы есть на Чукотке. Об этом я читал в рассказах О. Куваева, А. Мифтахутдинова, Н. Балаева и некоторых других магаданских писателей. Заведомо знал, что никакие районные власти на эту инициативу не откликнутся. Как ни странно, но после публикации ко мне пошли в Гижигу письма со всей Магаданской области. Среди корреспондентов был даже один главный инженер прииска на Колыме. По-видимому, удалось затронуть публикацией какие-то струны в душах людей, мечтавших среди однообразия будней о вольной жизни среди суровой и первозданной природы.

Итак, любуясь окрестными тундровыми ландшафтами, с еще желтыми необлетевшими иглами лиственниц, зеленеющими кустами кедрового стланика, я приблизился к фактории Камешки. Удивительно, но ездовые собаки, обычно возвещавшие громким лаем о приближении посторонних людей, при моем появлении голоса не подали. Выходит, приняли уже за своего.

ФАКТОРИЯ КАМЕШКИ

Фактория Камешки являла собою тогда штук пять небольших, приземистых, рубленых из лиственницы избушек на берегу протоки, впадавшей в Гижигу, и удаленных от основного русла километра на полтора. С двух сторон ее окружал лес, состоящий из лиственницы, тополя, ольховника, кустов красной смородины и жимолости. Моя избушка внешне ничем не выделялась среди других строений. Небольшая веранда, где полки были заставлены банками с крупой, мукой, сахаром, солью и другими припасами. Все это было устроено для защиты от мышей и горностаев, живших повсюду в укромных уголках и норивших прокрасться в избу. Я зашел внутрь избы: справа от входа была кирпичная печь с пристроенным мною камином. Одно окно выходило на юго-восток, другое — на запад. Окна маленькие, подслеповатые, с одинарными рамами. Зимой они так замерзали, что едва пропускали солнечный свет. Над торцевую стенкою висел киноэкран, а вся аппаратура и шестнадцатимиллиметровая «Украина» были упакованы в ящики. Посередине комнаты помещался обеденный стол, он же служил и для установки кинопроектора. Двое деревянных нар для спанья, крытых оленьими и медвежьими шкурами. Небольшой кухонный стол у печки с полками для посуды. Все это и составляло обстановку избы, если не считать, что все свободное пространство стен занимали полки с книгами. В основном была русская и зарубежная классика, книги современных авторов, подшивки журналов «Новый мир», «Зарубежная литература», альманах «На Севере Дальнем» и др. Книги я собирал повсюду: в книжных магазинах Магадана, Северо-Эвенска, Хабаровска, Владивостока. Случалось мне бывать и в заброшенных поселках на побережье Охотского моря. В них стояли никем не разграбленные дома, а в комнатах и на чердаках попадались брошенные людьми книги, которые я реставрировал и забирал с собою. Среди этой «макулатуры»

находилось немало ценных книг конца XIX — начала XX столетия. Все это я собирал и привозил с собою. Районный отдел культуры, где я числился, выделял мне специально деньги на приобретение книг и учебников. В конечном итоге составил вполне приличную библиотеку из нескольких сотен томов на любые вкусы: беллетристика, история, философия, биология, география, лингвистика. За свою жизнь я собрал три библиотеки, которые всякий раз, переезжая в другой район, оставлял знакомым людям. Сейчас собираю уже четвертую, скорее всего, последнюю в своей жизни. Детям и моим близким она неинтересна. У них другие увлечения, связанные с точными науками, компьютерами.

Весть о моем приходе мгновенно облетела всех обитателей фактории. Вскоре в моей избе столпились Халкачан с женой, Манига, Хайей, Ленька Зиновьев и Володя Кокоулин. Не было только одинокого одноногого старика, старушки Маммы и Саввы Куропаткина, пропадавшего на рыбалке. Я развязал рюкзак и вручил адресатам посылки с булькающим в них содержимым. Радости камешковцев не было предела. Кстати, все они пришли ко мне не с пустыми руками. Мой кухонный стол был заставлен жареной рыбой, банками с брусникой и голубикой, вяленным оленьим мясом, маринованными грибами, лепешками. Провизией я был обеспечен на несколько дней. Тут же договорились, что желающие могут прийти ко мне вечером смотреть новые кинофильмы. Вся моя кладовая была заставлена коробками с фильмами, полученными мною в Северо-Эвенске, в районном центре кинопроката. Объявлений о начале просмотра я никогда не давал: если камешковцы слышали стук мотора электрогенератора — значит, фильм начинается и следует поспешить!

Я недолго предавался приятному ничегонеделанию. Вечер вступил в свои права, и я запустил генератор. Прекрасный был фильм, как сейчас помню, — «Миссия в Кабуле», где играли Олег и Глеб Стриженовы. На полу перед экраном для удобства зрителей я стелил несколько оленьих шкур, вдоль стен были лавки. Кругом стояли консервные баночки, служившие пепельницами, на печке — чайник с кипятком, на кухонном столе — кружки, сахар, галеты, заварной чайник. Тот, кто хотел чаю, подходил к столу и сам себя обслуживал. Некоторые любители комфорта устраивались на полу на оленьих шкурах с кружками чаю и папиросами или же трубка. Я сам предпочитал трубки с трубочным болгарским табаком «Нептун». Его мне регулярно присылали из Владивостока. Так дружно проходили наши вечера, особенно зимою, когда неделями мела пурга и дойти до моей избы многим было непросто по причине возраста. Кой-кого я встречал и провожал. После киносеанса я договорился с Халкачаном и стариком Саввой о том, что мы вместе завтра с утра пойдем с неводом на Гижигу. Шел голец (мальма. — местн.). Эту рыбу я вялил на чердаке, затем коптил. День-другой такой рыбалки обеспечивали меня на всю долгую зиму копченой рыбой. Гольца, особенно после нереста лососевых, когда его желудок заполнен кетовой икрой, я предпочитал всем другим видам рыбы по той причине, что жир с него, что называется, капал с хвоста. Будучи пойманным в Гижиге в разгар зимы, голец, несмотря на пеструю расцветку, был худой, и аборигены презрительно называли его *para**. Дух в избе стоял тяжелый после варки рары. Собаки ее ели неохотно, но деваться им было некуда, если по какой-то причине для них не засолили кету на зиму или юкола не успела проявиться из-за дождливой погоды. В такой полусырой юколе под кетовой шкурой заводились личинки опарышей. И если люди употребляли ее в пищу, то снимали шкуру с нее и обжаривали над открытым огнем. Я не рисковал есть такую юколу из-за боязни

---

* *Para* — отнерестившаяся дохлая кета, которую инородцы собирали в кучи по берегам реки. Зимой *para* служила приманкой для лисиц и нередко кормом для ездовых собак.

подхватить какую-нибудь кишечную инфекцию. Ну а любители «свежины» морщились, но ели, выплевывая обгоревшие места.

Утром, чуть свет, я уже был на ногах. Зажег две керосиновые лампы, затопил печь, наполнил чаю, и в это время постучали в дверь. В избу зашли Халкачан, Манига, старик Савва и Володя Кокоулин. Невод, плоскодонная лодка уже были на берегу Гижиги, и, не теряя времени, мы отправились к реке. Я, как самый молодой кабан, сел на весла, Кокоулин встал у собранного в корме невода, а старик Савва, как верховный главнокомандующий, приказал: «Вперед!» Плавно, наискосок против течения я повел лодку, а Кокоулин выметывал невод. Как только причалил к берегу, быстро закрепил лодку и схватил вместе с Кокоулиным конец бечеvy. Дружно с обеих сторон мы тянули снасть, и вот мотня оказалась на берегу. Мы выбросили подальше на берег с десяток кетин и мешок гольца. Вода была настолько холодная, что все, занятые работой, время от времени отогревали руки дыханием или в карманах. Я натянул нитяные перчатки, которые сразу же промокли, но через несколько минут кровь прилила к рукам, пальцы, ладони согрелись, и перчатки буквально на глазах стали высыхать. Заметив это, мой напарник Володя Кокоулин, камчадал по национальности, в шутку именовавший себя колымским евреем, заметил: «Ишь, какая кровь горячая!» Рукам моим действительно стало тепло, я согрелся и повеселел. В течение всего дня мы облавливали плесы вверх и вниз по реке, оставляя рыбу в кучках. К вечеру собрали улов и разделили его по числу камешковцев. Халкачан ушел в факторию за лошадьми, мы же стали ладить волокуши, чтоб вывезти добычу. Несколько дней такой ловли и дружной работы обеспечили камешковцев на зиму рыбой. В основном солили в бочках, кое-кто разделявал кету на юколу. Я тоже заготовил две бочки соленой кеты, не считая гольцов, подвешенных на чердаке для провяливания и последующего процесса копчения ольховыми сырыми стружками и дровами. Всю зиму я лакомился вяленым гольцом, а соленую кету отмачивал сутки в протоке, затем варил. Год тому назад, когда в Гижиге население повально болело гонконгским, если не ошибаюсь, гриппом, из Гижиги месяца три не приезжал продавец Олькин. А все наши запасы муки, масла, чая, махорки и сахару истаяли. Из тундры не приезжали олeneuveды, и мы остались без мяса. В течение всего этого времени нашей основной пищей была отмоченная и вареная кета. Один запах этой вареной кеты вызывал у меня рвотные спазмы. Лед на Гижиге пробить было трудно по причине наледей, и я вынужден был ходить за десяток километров на озеро Ложникова ловить щук. А принести их мог в рюкзаке не более десяти штук. Делил этот улов на всех камешковцев. Все же свежая рыба, хотя и костлявая. Ее можно было порезать на филе, пропустить через мясорубку, поджарить котлеты на нерпичьем жиру. И как-то зиму мы протянули. А где-то в марте грипп пошел на убыль, подъехал в факторию продавец Олькин, и мы все дружно, как говорится, отоварились всем необходимым. Надо сказать, что ни у кого из нас и мысли не возникло подломить склад и взять продукты по списку. Вот народ, действительно честный, а вовсе не воспитанный в духе советского патриотизма и морального кодекса молодого строителя коммунизма.

После удачной рыбалки мы все дружно взялись за заготовку дров на зиму. Эту проблему камешковцы решали самостоятельно. Те, у кого были ездовые собаки, возили дрова из заломов на Гижиге. Но были и такие старики, которым это было не под силу. Вот тут-то мы — Халкачан, Ленка и я — решили помочь старикам. Летом, будучи в Магадане, я купил бензопилу «Дружба», несколько запасных цепей, приспособление для точки, запасные свечи и т. д. Пришло время опробовать пилу в работе, пока не ударили жестокие (-50 °C) морозы, когда от лиственницы отскакивали топоры, не оставляя зарубки, а у двуручных пил ломались зубья. В лиственничной роще, частично прореженной заготовками прежних лет, я заметил

с десяток-другой деревьев. Кругом были следы зимних порубок — высокие пни. Это значит, зимой высококи снегу у дерева обтоптали насколько могли. Итак, наша дружная работа на лесозаготовках началась. Почему-то вспомнились несколько строк стихов: «А сыновья врагов народа в тайге Колымской валят лес». Дальше я не помню, но там говорилось о том, что они настойчиво стремились бежать на фронт. Там еще были такие строки: «И в наркомате обороны через неделю были мы». С Колымы ни зимой, ни летом убежать невозможно. Единственная связь с внешним миром — пароходное сообщение до Владивостока, затем — Транссиб. За неделю с Колымы до наркомата обороны беглецам никак не добраться. Уйдут тайгою непроходимой, так там тунгусы подстрелят, которых поощряли за убийство беглых эков. На пароход без документов не попасть. Так что неувязочка какая-то получилась у автора стихов, который, скорее всего, на Колыме никогда не был и лес не валил. А мне довелось. Когда мы в этой роще впоследствии валили лес в тридцатиградусный мороз (это по колымским меркам считается тепло), то при абсолютном безветрии пар от дыхания стелился сначала под ногами по щиколотку, потом по колено, затем этот пар заполнял весь лес, и мы вынуждены были прекращать работу. Уходили подальше, палили костер и ждали, когда лес очистится от тумана, вызванного дыханием людей. Итак, я делал подруб на дереве, предназначенном к валке, старался уложить его аккуратно в нужном направлении. Мой напарник Ленька рубил сучки и складывал их в кучки, а Халкачан правил жеребцом по кличке Жиган и волоком оттаскивал хлысты в первую очередь к домам стариков. Когда у каждой избы, в том числе и у моей, оказалось нужное количество хлыстов, мы трое так же дружно распустили хлысты. Я пилил, Халкачан помогал держать боланы, чтобы удобнее было пилить, а Ленька, еще тот молодой секач, с помощью огромной кувалды и клина раскалывал каждую чурку на несколько частей и складывал в поленницу. Как дружно мы тогда работали! Никто не задумывался, что за этот каторжный труд нам никто не заплатил. Я помню, как зимою, за два года до этого, увидел на Гижиге у залама одноногого старика, который ползал по снегу, тыкал топориком по бревнышку, затем на коленках тащил его к нарте, запряженной четырьмя собаками. Не знаю почему, но, увидев эту картину, я заплакал, хотя сентиментальностью и слезливостью никогда не отличался. Даже сейчас, спустя столько лет, при воспоминании об этой картине слезы наворачиваются у меня на глазах.

Сентябрь в Камешках минул. Мы управились с рыбалкой, с заготовкой дров, и старик Савва попросил нас с Халкачаном помочь достроить ему охотничью избушку неподалеку от устья Ахавеема. Несколько дней я шарил по сусекам в поисках двух застекленных рам, рубероида, досок, разнокалиберных гвоздей. Сруб избушки у Саввы был выведен, осталось настелить пол, подшить потолок, установить крышу, железную печку. Здесь, в фактории, я набрел на сарайчик, бывший когда-то кузницей, где хранились запасы листового железа нужной мне толщины для изготовления печи. Электрогенератор, сварочный трансформатор, щиток, провода, держатель, электроды у меня были. Поэтому, не теряя даром времени, приступил к изготовлению печи. Сделал разметку боковых стенок, торца, дверцы. Всему этому, в том числе сварке, резке металла научился за годы службы на флоте, студенчества, когда в летние каникулы зарабатывал резкой автогеном пароходов на металлолом в Управлении АСПТР (аварийно-спасательных, судоподъемных, подводно-технических работ).

Все камешковцы, мужская трудоспособная часть, собрались у кузницы и помогли мне: поддерживали боковые стенки, когда я их прихватывал. Внутри печи я наварил уголки для удержания колосника. Колосник нашелся тоже в кузнице, в куче металлолома. Работа спорилась. Вот и верхняя крышка установлена и надежно заварена. Для выхода дыма у торца прорезал по диаметру трубы отверстие и приварил отрезок трубы (патрубок) вертикально. Причем, когда надо было резать металл, я

кричал помощникам: «Добавь напряжения в генераторе!» Понятно, электросварка вовсе не была предназначена для резки. Шов получался с большими заусеницами, но пустоты удавалось заварить, проходя по каждому из швов по несколько раз. Вместо дверцы поддувала сварил короб, который по размеру точно входил в поддувало. Если пошуровать кочергою в топке, зола оставалась в коробе, который можно было легко вытащить и вынести с золой на улицу. Наконец, нашел печную трубу чуть большего диаметра, нежели приваренный к печи патрубок, на который эта труба насаживалась. Печка была закончена, мы вытащили ее на улицу и затопили. Я прикинул на глазок высоту избушки и обрезал трубу до нужного размера. Печка загудела как паровоз. Старик Савва заметил: «Тяга велика». Я нашел в куче хлама алюминиевую кастрюлю, которая плотно ложилась на конец трубы, набил в кастрюле дырок. Тяга уменьшилась. В конечном итоге добился того, что при открывании печной дверцы дым не шел внутрь помещения. Печка была изготовлена мною на глазах почтенного общества, деятельно принимавшего участие в ее изготовлении в основном советами. Вообще-то в тундре, в палатках оленеводов, используются жестяные печки и трубы, которые за сезон прогорают. Моя же печка могла, надеюсь, прослужить не один год. Толщина металла позволяла накалять ее докрасна. Единственный недостаток — она была тяжела, унести ее могли только двое. Но для избушки, для балка, установленного в тракторных санях, она годилась. Слава о моей печке, благодаря камешковцам, пошла по всем стойбищам. Впоследствии на заказ я изготовил несколько таких больших печек, сантиметров семьдесят длиною и пятьдесят шириною, куда входили уже длинные поленья. А высоту трубы заказчик уже варьировал сам. К сожалению, материал для печей быстро пошел на убыль, но одну печку я успел приготовить и для себя. Об этом подробнее ниже.

САВВИНА ИЗБУШКА У РЕКИ АХАВЕЕМ

Шестого октября 1975 года мы завершили сборы в поход к месту, именуемому как Саввина палатка. Из нее старик Савва зимой выставлял капканы, петли, стрелял куропаток. Итак, мы загрузили несколько волокуш досками для пола и для потолка, рамами, дверьми, печкой, гвоздями, рубероидом, палаткой и другими припасами, необходимыми для жизни в палатке и для строительства охотничьей избушки, сруб которой уже был частично готов. Оставалось вывести венца два-три, так как Савва с помощником не смогли поднять тяжести на высоту. Для этого потребовались усилия более молодых, таких как мы с Халкачаном. Ведя в поводу восемь вьючных лошадей с волокушами, мы двинулись из фактории правым берегом Гижиги по хорошо протоптанной тропе, которая вскоре вывела нас на обширную речную косу. Следуя берегом реки, переходя иногда вброд с косы на косу, с острова на остров, мы продвигались вверх. Вода в реке к этому времени пошла на убыль и быстрое течение Гижиги не затрудняло путь. Было холодно, осеннее небо, закрытое тучами, казалось, висело над головой. С отрогов Станового хребта по долине Гижиги, как по гигантской трубе, дул сильный ветер, заставляя нас пригибаться к земле, тянуть в поводу упрямявшихся лошадей. Время от времени на нас налетали стаи уток, летевших с севера в сторону Охотского моря. Утки с шумом летели так низко над головой, что можно было достать их камнем, брошенным рукою. Кроме уток, которые проносились и исчезали, нас на протяжении всего пути преследовали сороки, надоедая своим треском. Я хотел было снять ружье и стрельнуть в их направлении, вовсе не желая их убить, но Савва меня остановил: «Не надо. Сорока он бедный. У него всего три пальца. Дом есть, а печки нет». Я видел на деревьях сорочьи гнезда, продуваемые всеми ветрами. «А если бы печка у сороки была?» — спросил я. «Ну, —

ответил Савва, — тогда бы весь топольник был в дыму». — «А ворон, Савва?» — не унимался я. «Ну, ворон — бродяга. Зимой в одной кухлянке спит, а ноги голые. Как не мерзнут?» Я припомнил виденную ранее картинку: зимой, следуя из Камешков пешком через тундру, я увидел на одиноко стоящей лиственнице ворона, который ничуть не потревожился при моем появлении. Я вспомнил, что наохлившийся ворон в черном оперении, напоминавшем кухлянку, сидел действительно с голыми ногами. И после слов Саввы задумался: а действительно — почему у него зимой ноги не мерзнут? К сорокам Савва относился с участием, но ворон он не любил, потому что как-то зимой они у него на охоте расклевали последнюю пачку чаю. Тут в разговор включился Андрей Халкачан и стал рассказывать, что, учась в школе, в Камешках, когда там еще был поселок, он поймал ворону и спрятал ее в кладовой. Его бабушка в темноте зашла зачем-то туда, ворона каркнула, бабушка от страха упала на пол, и с ней приключился конфуз.

Вскоре ветер усилился настолько, что рвал одежду, лошади упрямылись, в довершение всего пошел снег, который до крови сек лицо. Такой резкий, холодный, сильный ветер со снегом можно испытать зимой, в пургу, но не в начале октября! Небо, казалось, давило на нас. Стали сверкать молнии, сопровождаемые раскатами грома. Мы с трудом удерживали лошадей. «Да, попали в переделку», — подумал я. Настоящий природный катаклизм. Я вспомнил рассказ А. Куприна «Черная молния», на память пришел и рассказ советского писателя А. Серафимовича «Воробьиная ночь». Так, упираясь ногами в землю, мы медленно продвигались вперед. Лицо, лоб мой были иссечены снегом, который, казалось, сдирал кожу, как наждак. Утки и сороки пропали. Надвигалась тьма, в которой из-за снежной пурги ничего не было видно. Наконец Савва скомандовал ночлег. Мы развьючили и стреножили лошадей, которые, ища укрытия от ветра и от снега, исчезли с глаз долой. Под порывами ветра на речной косе развернули и с трудом установили палатку, закрепив ее по-штормовому растяжками, звеневшими под напором ветра, как ванты и леера в «Тайфуне у берегов Японии». Так называется первый рассказ Джека Лондона. «Но мы-то еще на земле, а каково сейчас в открытом море!» — думал я. Наконец-то, преодолев немислимые трудности, мы установили в палатке печку и я, как самый молодой, пополз с топором на берег в надежде отыскать под снегом сухие дрова. Так несколько раз я подползал к палатке с очередной охапкой дров, которые Халкачан пилил по размеру ножовкой, а Савва устилал дно палатки оленьими шкурами и нашими спальниками. Вскоре печь разгорелась, плита раскалилась докрасна, чайник «заговорил», разбрызгивая брызги кипятка. Я достал из вьючного геологического ящика наши припасы, заварил чай прямо в чайнике, для чего не пожалел пачки индийского чая со слоном. Жизнь снова показалась мне прекрасной. Под порывами ураганного ветра мы попивали чаек, закусывали его салом, луком, сушеным оленьим мясом и пупками*. Ветер же за стенками палатки усилился до такой степени, что в топольнике на берегу Гижиги с треском и шумом стали падать наземь деревья. Засыпая под шум падающих деревьев и глядя на трепещущий огонек свечи в палатке, я подумал: «А старик Савва был прав, когда заставил нас разбить палатку на открытом всем ветрам месте. Что было бы с нами, установи мы палатку под защитой леса? Раздавило бы нас. Осталось бы от нас мокрое место. Мудрый ты, старик Савва». И я заснул без сновидений.

Утром я проснулся и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Сверху на меня давила какая-то тяжесть. С трудом я вывернулся из спального мешка, пополз к выходу, прихватив по дороге сапоги и верхнюю одежду. Хорошо, что еще перед сном Савва заставил нас с Халкачаном лечь головой к выходу из палатки. Я обулся на

---

* *Вяленые и подкопченные брюшки кеты, которые считались местным деликатесом.*

улице, накинул куртку, натянул на руки перчатки, достав их из кармана куртки, и огляделся. Все вокруг, в том числе и палатка, было завалено снегом. Река в ослепительно белых берегах катила свои воды, и вода в ней казалась цвета аквамарин. Натянув на голову капюшон, потому что шапку не нашел, ежась от холода, я стал стряхивать с палатки снег, освобождать от снега и снова устанавливать растяжки. Наконец-то палатку я натянул, вполз внутрь и растопил печурку. Благо, с вечера Савва с Халкачаном заготовили дров на утро и растопку в виде стружек, закрученных как гребни петушков. Такие же петушки для разведения костров в типи* готовят и североамериканские индейцы. Об этом я прочитал в повести Джеймса Виларда Шульца «Моя жизнь среди индейцев». Когда дрова в печке затрещали, прихватил ведро для воды и направился к реке, оставляя в снегу свежий след. Снегу выпало чуть ли не по колено. По реке шла шуга, появились забереги. Зашел в реку, зачерпнул воды и отправился обратно по своему следу. Надо сказать, что в тепле Савва с Халкачаном сладко дрыхли. Этой особенностью инородцев я всегда поражался. Сколько бы вечером чаю они ни выпили, но никто из них не вставал до утра по малой нужде, не говоря уже о большой. Я вспомнил, что как-то в тундре зимой ночевали в стойбище в обыкновенной брезентовой палатке. Среди ночи проснулся, ощущая позывы, так как чаю выпил накануне изрядно. Вечером мороз был под пятьдесят. К утру, скорее всего, еще похолодало. Я высунул голову из мехового спального мешка и почувствовал, что адский холод сдавил мне лоб, как стальными клещами. У изголовья моего стояла свеча и несколько коробков со спичками. Зажег свечу и в ее колеблющемся свете увидел, что от людей, лежавших с головою в спальнях мешках, поднимался пар. Со стоном я выполз из мешка, растопил печку, дождался, когда в палатке станет тепло, и, не одеваясь, выскочил на улицу. Вернувшись затем в палатку, я долго трясся у печки, пока не согрелся. На стенках палатки, на потолке была изморозь пальца в три толщину. Значит, палатку днем придется снимать, изморозь выбивать, палатку ставить заново.

Вскоре закипел чайник, Савва с Халкачаном дружно, как по команде, вылезли из спальников. Я сообщил им о том, что ночью палатку придавило снегом и мне пришлось с большим трудом отряхивать и заново укреплять полотнище. За чаем старик Савва рассказал, что в тридцатых годах отделение пограничников также было застигнуто пургой, и все заснуло в палатке. Бойцов придавило снегом, и они задохнулись. В живых остался один каюр, который устроился на ночлег в кукуле в нартах. Он же утром и откопал задохнувшихся воинов, ни один из которых не подавал признаков жизни.

После чая мы перетасили наш груз и палатку поближе к месту стройки, расчистили от снега сруб и приступили к работе. Работа спорилась: я подшивал потолок, а Савва с Халкачаном стелили доски на пол, вставляли окна, навешивали двери. Для утепления потолка, конопачивания швов между бревнами использовали мох. Для сбора мха я брал два мешка и шел в близко стоявший лиственничник, где собирал с низко свисавших веток «борода» мха. Через три дня мы сняли палатку, установили в избе печку, соорудили нары на троих, кухонный стол. В доме было как-то веселее, намного теплее, хотя и стоял он еще без крыши и веранды. Халкачан отправился с лошадьми в Камешки, чтобы вывезти остатки досок, из которых предполагали соорудить веранду. В фактории я разобрал несколько сараев, повытаскивал гвозди из досок, выпрямил их в кузнице.

Лошади наши чувствовали себя превосходно. Каждое утро они подходили к нашему стойбищу, где получали по пайке комбикорма каждая, а все остальное время проводили на воле, копытили по берегам реки, где трава еще зеленела под снегом.

---

* То же, что и вигвам.

Через три дня Халкачан пригнал обоз, груженный досками, привез он, по моей просьбе, две лампы «летучая мышь» и керосин в двадцатилитровой канистре. Летом, когда в фактории садились вертолеты, я подходил к бортмеханику с канистрами, он открывал сбоку вертолета краник и щедро наливал. Таким образом я заготовил литров сто хорошего авиационного керосина, на котором работали мои лампы и керогаз с коромыслом. Этот керогаз всегда вызывал у аборигенов восторг. И за него взамен мне предлагали оленя. Но керогаз у меня был один, и на обмен я не пошел. Вообще-то, для нужд фактории я завозил на зиму бочку керосина, но камешковцы предпочитали свечи. Их изрядный запас был на складе. В большинстве народ ложился рано, потому свечей уходило не так уж много. Я же любил вечером почитать у огня камина в своем доме в фактории. Двух керосиновых ламп мне хватало. Керосину за зиму сжигал много, так как лампы и керогаз брал с собой в стойбища.

Пока Халкачан ездил в факторию, мы с Саввой сделали крышу. Скат получился крутым. Для конька я использовал куски жести. Сама же крыша была сплошь из досок. Доски прибывал к стропилам вплотную, а щели закрывал сверху тоже досками. Я в основном работал на крыше, а Савва подавал и пилил мне доски по размеру. Чтобы не скатиться с крыши, устроил передвижную лестницу, которую закреплял за конек и двигал по мере необходимости. Я почему так подробно описываю этапы строительства? Да потому, что это был первый дом, в возведении которого я принимал непосредственное участие. Впоследствии плотницкие навыки, полученные мною при строительстве Саввиной избушки, мне помогли, так как строить дома с нуля, с фундамента, еще довелось по жизни. Чем я и горжусь.

В несколько дней, уже не спеша, мы закончили возводить веранду, где устроили массу полок для продуктов и вещей. Старик Савва был доволен своим домом. Всю жизнь он проохотился, обитая зимой в рваной палатке, и хорошего дома не имел.

У нас появилось свободное время, и мы использовали его для рыбалки и охоты. Кета еще попадалась в сетки. Савва подвешивал ее, не потроша, как прикормку для лисиц. Следов лисиц и зайцев у Саввиной избушки и вверх по протоке попадалось изрядно. Я спросил Савву, не переловит ли он их всех за зиму, на что Савва резонно заметил: «Нет, а что я буду делать потом?»

Зима между тем надвигалась. Морозы достигали десяти, пятнадцати градусов, на реке появились забереги, но посередине она еще не замерзла. Пора уже было мне сниматься в факторию, готовиться к поездке в стойбища, потому что приезда оленеводов и санного тракторного обоза мы ждали со дня на день. В один из дней Савва сообщил, что в установленную им петлю попал медведь, не залегший еще в берлогу. Медведь задохнулся и угрозы не представлял. Савва с Халкачаном аккуратно сняли шкуру, разделали тушу. Мне Савва презентовал шкуру и медвежий окорок, себе забрал медвежью желчь, а Халкачану достались остатки туши. Мы наелись жареного медвежьего мяса, после чего все дружно страдали жуткими запорами.

У меня с собою была двухместная резиновая лодка, и я решил сплавиться до фактории по реке, хотя Савва с Халкачаном отговаривали меня от этой безумной затеи. Но я не внял трезвым суждениям, так как сплав по реке был одним из моих любимейших занятий. Сколько раз я сплавлялся из фактории до Гижиги!

Итак, я погрузил в лодку медвежью шкуру, окорок, медвежьи лапы (самая вкусная часть медвежьей туши), презентованные мне Саввой рюкзак, топор и другие личные вещи. Весь груз тщательно закрепил и отправился в путь. Ниже по течению пространство чистой воды сужалось. Иногда я утыкался в сплошной лед, и лодку приходилось тащить волоком. Вот тогда-то я и вспомнил предупреждения Саввы и Халкачана не идти домой по воде. Но бог миловал. Уже на подходе к фактории я расслабился и напоролся на торчащий из воды сук. Лодка сразу скукожилась, но до берега было недалеко, и, зачерпнув в сапоги воды, я сумел выбраться на

берег и вытащить лодку с грузом. Груз не пострадал. Но ноги в ледяной воде и на морозе заочнели. Я с трудом стащил сапоги. Сухих носков и портянок у меня не было. Я запрыгал босиком по снегу, нарвал сухой травы, изготовил из нее подобие стелек, зачихнул в сапоги. Пальцев ног уже не чувствовал. «Вот так и погибают новички в тайге и в тундре», — подумал я. Портянки? Не задумываясь, я стащил с себя куртки, снял свитер и рубашку. Свитер натянул на голое тело, а рубашку располосовал ножом на две половинки. Быстро завернул ноги в импровизированные портянки и стал бегать по берегу, шевелить пальцами ног. На мое счастье, пальцы стали отходить, покалывание в ногах усилилось, и вскоре я уже катался по снегу корчась от боли. Наконец благодатное тепло прилило к пальцам ног и ступням. Боль стихла, и я понял, что в очередной раз судьба смилостивилась надо мной. Укрепив на спине рюкзак, забросил на плечо окорок, двинул по направлению к своему дому. Благо до него было километра с два. За шкурой решил прийти попозже. В кладовой своего дома я бросил рюкзак и окорок и, не медля, отправился за шкурой, которую не без труда притащил домой и тут же пристроил у печки, чтобы оттаяла. Затем — на крышу дома для просушки. По краям шкуру слегка прибили к крыше гвоздями. Всю зиму над ней трудились сороки и так тщательно очистили ее от остатков жира, что моего участия уже не потребовалось. Весною я шкуру снял с крыши, и старушка Мамма вместе с женой Халкачана Натальей выделали ее скребками металлическими, каменными и другими способами, в подробности которых я не стал вдаваться.

Жизнь в фактории текла размеренно. Я рубил дрова для камешковцев, ходил на рыбалку. Лед на реке уже встал. Наледи еще не пошли, и днем я, как правило, пропадал у своего омута. Несколько раз ко мне присоединялся на рыбалке дед Манига. Он ловил на блесну, но мои уловы были неизменно выше, так как в качестве наживки я использовал живых ручейников. В проточке, где все камешковцы брали воду зимой, как-то из любопытства перевернул камень со дна и увидел, что к его внутренней поверхности были приклеены личинки жучков в покрытой песком скорлупе. Я отколупнул скорлупу и внутри увидел жирную белую живую личинку. «А почему бы не попробовать на них половить рыбу?» — подумал я и быстро наковырял полный спичечный коробок наживки. Дома я изготовил короткое удилище из прутика лозы. На кончике лески укрепил рыболовный крючок и выше — свинцовое грузило из расчета, чтобы течение далеко не сносило наживку. Клевала рыба на мою снасть безостановочно: хариусы, гольцы. Причем на Севере хариус крупный, в отличие от приморского мелкого, серебристого цвета. Каждый хариус весом триста пятьдесят — четыреста грамм, черный как головешка, покрытый чешуей, как броней. Большой мечевидный верхний плавник украшал рыбу. Будучи вытасканным на лед из воды, он сверкал всеми лучами радуги, но постепенно цвет его тускнел. Манига рыбачил в стороне и все время косился на меня, когда я одну за одной вытаскивал рыбины на лед. В то время как его добыча составляла две рыбки. Я не выдержал, подошел к нему, протянул запасную удочку, наживил личинку. Манига вытащил свою снасть с блесною в форме гробика с полосками из желтого и белого металла, забросил в лунку мою снасть и тут же вытащил здорового хариуса. Я объяснил ему, где я добывал наживки. «Ну и хитрые же вы, мельгитане», — завистливо сказал он и счастливо засмеялся, когда на крючок попала очередная рыба. Через несколько дней я увидел, что в протоке перевернуты все камни. И теперь добыть наживку для очередной рыбалки оказалось много труднее. Но я ничуть не жалел о том, что раскрыл свою «тайну». Незамерзающие зимой протоки еще были окрест Камешков, и мне наживки хватало. Но... идиллия скоро закончилась. Как ни хороша была рыбалка по первому льду на Гижиге, но мне предстояло отправляться в стойбище оленеводов.

В конце октября из Гижиги в Камешки пришел трактор, волоча за собою сани, груженные бочками с бензином, дизельным топливом, керосином и дизельным маслом. За зиму я использовал три-четыре двухсотлитровые бочки бензина, бочку дизельного масла и бочку керосина. Вообще в то время горючее мы не экономили. Бензин, если мне память не изменяет, стоил четыре копейки за литр, солярка — две копейки. А вот сколько стоил керосин — не упомяну. Во времена моего детства, в конце сороковых — начале пятидесятых годов, во Владивостоке повсеместно в определенные дни и в строго определенных местах стояли емкости с керосином, и люди, в том числе и я, приходили обычно с бидончиками и заполняли их жидким топливом. На коммунальных кухнях у каждой хозяйки был свой стол, на котором стояли керосинка или керогаз. Чаще всего, помню, стояли керосинки, потому что их всегда подкачивали насосом, помещенным сбоку. Эти насосы постоянно выходили из строя, и приходилось их менять или поправлять поршни. У некоторых особенно чистоплотных хозяек медные керосинки были так отдраены, что сверкали на солнце, и стояли они на белых салфетках. Наша семья состояла тогда из отца, служившего в армии после войны, в которой он принимал участие, матери, бабушки, меня и сестры. Жили в коммуналке. Я помню тот запах, что стоял в подъезде нашего барака на улице Менжинской во Владивостоке, недалеко от железной дороги и Семеновского ковша (сейчас — Спортивная гавань). Так вот: пахло керосиновым газом и кошачьей мочой. Причем пахло удушливо. Керосин стоил же копейки. Каждую неделю я ходил с бидончиком и пополнял «стратегический» запас. Нынче же летом я купил бутылочку керосина (тысяча триста пятьдесят грамм) в хозяйственном отделе за шестьдесят восемь рублей. Пиво, бутылка пол-литра, стоит дешевле. Керосин же нас заставляли пить от глистов, керосином же выводили вшей.

Часть II. Моя жизнь с инородцами

НА СОБАКАХ В СТОЙБИЦЕ

Утром, чуть свет, начались сборы в дорогу. Закрепил в тракторных санях свой груз: две бочки бензина, полбочки (сто литров) керосина, двадцатилитровую канистру масла, два электрогенератора, печку с трубой, штук двадцать банок с фильмами, ящик со слесарным инструментом, электрический наждак, шестиместную палатку, лист железа под печку и другие мелочи. Одним словом, отправил с okazji самый тяжелый груз. Наконец тракторист сдвинул с места сани, и вскоре рычащий трактор, оставляя за собою широкий след, исчез за лесом и взял курс в верховье реки Ахавеем, куда и мне предстояло держать путь, но уже в нартах, запряженных собаками. Дня через два три собачьих упряжки, ведомые каюрами Халкачаном, Хайеем и Манигой, остановились у моей избушки. Весь свой груз (кинопередвижка «Украина», упакованная в ящики, меховой спальный мешок, рюкзак с личными вещами, керогаз, две керосиновые лампы с запасными стеклами, металлический ящик с продуктами, штук двадцать буханок хлеба, мешок замороженных пельменей) я рассредоточил по трем нартам.

Кстати, о пельменях. С okazji из Гижиги мне привезли мясо разных сортов для фарша. В течение всего дня мамушки (жены Халкачана и Маниги) лепили пельмени и выносили их на мороз в кладовую на специально заготовленных для этой цели фанерках. Я же приготовил фарш, состоявший из нескольких сортов мяса: медвежатины, конины, говядины и свинины. В фарш разбил с десяток куриных яиц, привезенных

также по моему заказу, добавил немного ржаных сухарей. Пельмени, приготовленные из разных сортов мяса, отличались сочностью и были незаменимы в дороге на привалах и ночевках в тундре. Для крепления груза в нартах инородцы в Гижиге применяют специальные узлы, которые не нужно распутывать, стоит лишь дернуть за торчащий кончик, можно даже не снимать рукавиц, что особенно важно зимой при крепком морозе, когда за несколько минут обнаженные пальцы белеют. В свое время на флоте я специально изучал узлы, но такого не было ни в одном описании.

Этот узел я запомнил и впоследствии применял на практике. Все мои каюры были одеты в кухлянки, меховые штаны, торбаза на ногах, на головах малахай. Моя одежда ничем не отличалась от одежды моих спутников. Особенно я гордился начищенной до блеска флотской бляхой и расшитым бисером ремнем, к которому справа был прикреплен на ремешках маленький нож в деревянных ножнах, украшенных медными полосками и блестящими заклепками. Что касается малахая, то к этому головному убору подошел с особым тщанием. Его сшили из полосок разноцветного меха, а опушка была из росوماхи, потому что зимой при дыхании иней на росомашьем мехе не замерзал. В прошлом году у меня не было малахая и голову укрывала морская офицерская черная кожаная шапка с крабом. Лоб и уши она от мороза защищала, но лицо оставалось открытым. В январе в пургу мы шли в оленьих нартах, которыми я правил самостоятельно с помощью уздечки в левой руке и тонкого гибкого хлыста (элоэль. — коряк.), украшенного на кончике костяным зубом, — в правой.

Этим хлыстом, сидя в нартах, я подстегивал время от времени оленей, привставал с нарт, а то и бежал, чтобы согреться. Так вот: в лицо, в правую щеку дул ледяной ветер и я, как ни уворачивался, чувствовал, что щека распухла. Когда мы приехали в стойбище, то его обитатели, видя мою отекающую и посиневшую щеку, сочувственно качали головами. Щеки мне намазали гусиным жиром, но все равно в течение месяца — двух синева не сходила, и надолго одна половина обожженного морозом лица отличалась по цвету от другой. Не сомневаюсь: если бы на мне был малахай, то его раструб, выдающийся вперед, спас бы меня от обморожения, потому что при дыхании в этом раструбе, можно и так сказать, создается особый микроклимат. Следует заметить, что перед поездкой на собаках в стойбище я сбрил бороду и усы.

Из-за рыжей бороды и усов инородцы дали мне кличку «нембучан» (рыжебородый. — эвенск.). Зимой борода и усы обмерзали, и постоянно приходилось снимать рукой в камусной рукавице ледяные сосульки. Я смотрел на своего спутника и видел у него под носом огромную замерзшую соплю, которую он не спешил снимать. Я же периодически рукавицей тер у себя под носом, в результате чего там образовалась едва ли не язва, довольно болезненная. После этого сделал для себя кое-какие выводы, и у меня так же, как и моих спутников, висела огромная замерзшая сопля. К тому же, как мне сказали инородцы, борода пугает оленей. Они (олени) привыкли видеть гладкие лица.

Итак, три собачьих упряжки выстроились одна за другой. Я пристроился справа на передней нарте у моего друга Халкачана. Выше упоминал, что Халкачан по-эвенски означает «молоток». Он когда-то рассказал мне, что фамилию получил неспроста: его затылок значительно выдавался и голова на тонкой шее действительно напоминала молоток. В пятидесятых годах он носил фамилию Молотков, но по окончании школы стал Халкачаном.

Прежде чем отправиться в путь, замечу: узкие нарты полностью деревянные, без единого металлического крепления. Копылья и все детали нарт, включая переднюю дугу и баран (устанавливается посередине нарт и представляет собою также дугу, за которую держатся каюр и пассажир, если таковой имеется), скреплены при изготовлении сырыми нерпичьими ремешками. Высыхая, эти ремешки обретают

крепость железной скобы. Вся конструкция гибкая и при ударах о неровности дороги не рассыпается.

К передней дуге крепится по́тяг — крепкий нерпичий ремень, на определенном расстоянии друг от друга к потягу цепляют пристяжки для шести-семи собак. Каждая собака пристегнута к потягу а́льком, который охватывает ее шею и спину. У каюра в руках палка с железным наконечником и шипом (бóстол). Сверху к остолу прикреплен ремень, которым каюр по ходу подстегивает собак. Он постоянно кричит на них. Собаки должны слышать голос хозяина. Три основные команды для собак: хук (налево), поть (направо), тах (стой). Казалось бы, ничего сложного, но это только на первый взгляд. Считаю, что изготовление нарт, и обучение ездовых собак, и езда в нартах — это искусство. И не каждому оно дано. Хотя многие русские, живущие на Севере, этим искусством овладели не хуже инородцев.

Собаки беспрестанно лаяли, грозя без команды рвануть с места нарты; наконец Халкачан свистнул, и нарты заскользили по колее, оставленной трактором. Полозья нарт шли легко, так как перед поездкой каюры опрокинули их набок, каждый достал из-за пазухи фляжку с водой, полил водою клок медвежьей шкуры и стал водить им по полозьям, наращивая тонкий отполированный слой льда. Эта операция называется «войдать» и повторяется по мере необходимости. Не проехали мы и ста метров, как одна из собак стала визжать и приседать. Надо полагать, что собаки, как и люди, страдают несварением желудка. Причем хорошо обученная собака оттягивает свой зад от санного следа, потому что, если она нагадит в след и в собачье дерьмо въедет полоз нарты, придется останавливаться и скрести ножом полоз, затем войдать.

В начале пути все собаки в нашем потяге и в соседних, следовавших за нами, освободили содержимое кишечника и побежали веселее. Для большинства ездовых собак, если они застаиваются, работа в нартах — развлечение. И я видел, как некоторые из них сами подбегали к каюрам, чтобы на них надели альки и пристегнули к потягу. За день собаки с груженными нартами способны пробежать километров тридцать — сорок. При условии, что колея накатана. После пурги, особенно при морозах до пятидесяти и больше, снег не скользит, а скрипит, как сухой песок. Да к тому же приходилось надевать широкие лыжи, подклеенные камусом, и пробивать колею в снегу, затем возвращаться и вместе с каюром тащить нарты с упирающимися собаками.

В такие сильные морозы, если быстро выдохнуть воздух из легких, раздавалось характерное шуршание. Пар от дыхания сразу конденсировался в воздухе в виде маленьких кристалликов льда. Якуты называют это явление «шепот звезд». Чаще всего пробивать колею на лыжах приходилось мне, как самому молодому кабану и не выработанному окончательно. Не то что на лыжах, но вообще по глубокому снегу ходьба изматывает. Для пассажира езда в нартах не всегда сопряжена с приятными впечатлениями. На подъемах с нарт приходилось соскакивать и, держась за баран, помогать собакам, превращаясь в дополнительную тяговую силу. И лишь на льду озер, свободных от снега, можно было присесть на краешек нарты и в полной мере наслаждаться быстрой ездой. В середине дня решено было остановиться и устроить привал на берегу Гижиги. Я достал из мешка мороженые пельмени на троих, сбежал с котелком к промоине и набрал воды, Халкачан разгреб снег и развел костер из веток, собранных в речном заломе.

В кипящей воде как ледышки стукнулись пельмени, и вскоре блюдо было готово. Сидя у костра, мы по очереди запускали ложки в котелок, таскали сочные пельмени и запивали их наваристой жижей. Никогда впоследствии мне не доводилось есть такие вкусные пельмени. Мои спутники ели, не снимая малахаев, я же снял с головы свой и, несмотря на мороз, покусывавший кончики ушей и голые пальцы рук, стоически терпел неудобства, так как в году, дай бог памяти, 1962-м

прочитал у А. Солженицына в рассказе «Один день Ивана Денисовича», что Иван Денисович за шапку по старой крестьянской привычке, даже в сильные морозы, всегда снимал шапку. И по сей день на зимней рыбалке на льду Амурского залива или бухты Новгородской (Посыет), попивая чашек из термоса, держу шапку под локтем. Когда мы закончили с пельменями, сорвал клочок сухой травы, торчавшей из-под снега, и тщательно насухо вытер котелок, сбегал к промоине, набрал воды и вновь пристроил его над костром. Вскоре вода закипела, и я не пожалел пачки чаю со слоном. Получился, конечно, не чифир, но достаточно крепкий напиток.

Чифир, насколько мне известно, пьют шоферы на Колымской трассе и зэки. В геологической партии вечерами наблюдал такую картину: у костра собирались работяги и каждый в своей кружке заваривал чифир. Геологи мне рассказывали, что в поселках по Колымской трассе, таких, как, допустим, Хасын или Палатка, было много лагерей. Весною зэки, освобождаясь, могли не больше месяца жить в поселковой гостинице, если некоторым из них некуда было ехать.

Их тут же оформляли на работу в геологические партии. Так как зарплата рабочих не превышала семидесяти-восьмидесяти рублей, с учетом районного коэффициента рублей сто сорок, то желающих работать в геологии за наши деньги было немного. В основном это была работа для бывших зэков. В каждой партии был завхоз, и любой работяга мог взять под запись чай, тушенку, сгущенку, папиросы, конфеты и др. Все это называлось «личный забор». В конце сезона у некоторых работяг «личный забор» превышал заработанное за сезон. Уволить их было нельзя, пока они не рассчитаются с долгами, поэтому их направляли на базы или стационары, где они проводили безбедно зиму: заготавливали дрова в тайге, топили печки, попивали чифир, и так до следующего полевого сезона.

Закончив чаепитие, я собрал посуду и остатки еды в мешок, закрепил его в нартах и был готов отправиться в дорогу. Жизнь была прекрасна. Над рекой стояло огромное красное солнце, мороз ослабел. Нам предстояла переправа на другой берег Гижиги, но впереди на всем протяжении вверх и вниз по реке была наледь. Первыми должны были стартовать мы с Халкачаном. Мне уже случалось зимой проваливаться в наледь. Удовольствие, экстрим еще те. Халкачан, сидя в нартах, погнал собак напрямик через реку, я же бежал рядом по потрескавшемуся льду, надеясь в случае опасности провалиться под лед ухватиться за нарты. Где-то на середине реки под полозьями показалась вода. Полозья стали уходить в воду все глубже. Собаки с трудом тянули нарты и проваливались в воду, барахтались, суча лапами.

Халкачан встал во весь рост на нартах и стал настагивать ремнем собак, бешено кричал при этом. Я пока что держался на поверхности тонкого льда, старался бежать быстрее, но в какой-то момент лед не выдержал, и я по колени провалился в воду. Тут же рванул к берегу и почувствовал, как холодные струйки воды проникают в торбаза. Наконец Халкачан преодолел благополучно наледь, не замочив ног. Я достал из рюкзака запасные меховые чулки и торбаза. Стал быстро стягивать с себя промерзшую насквозь обувку, покрывшуюся коркой льда, как броней. Наши спутники Хайей и Манига благополучно пересекли наледь, правда, полозья их нарт тоже намочили. Они прошли не по нашему следу, а взяли немного выше по течению. Пока они скоблили ножами полозья нарт, я сменил обувь.

Хотя обувь насквозь промокла в ледяной воде, пальцы ног быстро согрелись. Вскоре нарты были готовы: полозья очищены ото льда, на них каюры опять навели зеркальный блеск. Дальнейший наш путь пролегал к устью реки Ахавеем, и дорога пошла на подъем. В устье Ахавеема была поварня, где мы предполагали остановиться на ночлег. В ней я неоднократно ночевал, возвращаясь в факторию из соседних стойбищ.

Ближе к вечеру мы наконец-то добрались до поварни, представлявшей из себя избушку размером примерно пять на четыре метра без пристройки. Массивная

дверь открывалась прямо на улицу. В правом углу размещалась кирпичная печь, обмазанная белой глиной, которая в этих местах встречается повсюду. В торце были сооружены нары, где могли разместиться человек пять путешественников. Посередине поварни стоял большой стол с двумя лавками.

У печи полка с ущербной посудой: котелок, чайник и т. д. Соль, спички, пластины вяленого мяса были подвешены на гвоздях, вбитых в потолочные балки (от мышей и горностаев). У печи лежала вязанка дров для растопки. Прихватив топор и веревку, отправился на берег реки, увязая в снегу, к ближайшему залому. Собрать охапку дров и разрубить их по размеру топки печи не представляло большого труда. Увязав веревкой свой груз, поднялся в поварню и сложил дрова у печи. Пока ходил за дровами, в печи разгорелся огонь, на который мои спутники уже водрузили котелок и чайник. Я совершил не менее четырех выходов за дровами, и тогда Халкачан сказал, что хватит на часть ночи и на утро. Мои спутники Хайей и Манига привязали собак на ночь, бросили им по пластине юколы и собирали на стол. Между тем стемнело, и я зажег две керосиновые лампы.

Каюры морщились от запаха горящего керосина, но терпели. В обыденной жизни они для освещения пользовались свечами, изрядный запас которых хранился на складе в фактории. Две лампы горели ярко и создавали в убогом интерьере ощущение уюта. Дрова в печи быстро прогорали по той причине, что я собрал сучья тополя и ольхи. В фактории топил свою печь исключительно лиственничными дровами. Даже сырые, замороженные насквозь поленья истекали слюной, горели, потрескивая, и охапка дров раскаляла плиту докрасна. Я уже отмечал, что в фактории вставал часов в шесть утра, затапливал печь, ежась от холода. Вода в ведрах у меня обычно к утру покрывалась коркой льда. Пар от дыхания вырывался клубами изо рта. А когда печь раскалялась и в доме заметно теплело, накрывал на стол, завтракал чем бог послал, в основном отмоченной соленой разварной кетой, лепешками и чаем. Благодатное тепло скользило от печи по избе, но стоило открыть двери в коридор, как избу заполняли клубы пара и холодного воздуха.

Попивая чай и заедая его пельменями, копчеными пупками, брусничкой, мы вели неспешные разговоры. Я вспомнил, как два года назад ночевал один зимой в этой поварне, и мне показалось, что под утро кто-то тяжелый ходил у избушки, трогал входную дверь, закрытую на кованый крюк. Дверь под чьим-то мощным напором поддалась, крюк звякнул, но устоял. Я предположил, что это ходил снежный человек. Утром, когда вышел из поварни, следов не обнаружил, потому что выпал снег. Вообще-то за годы работы на Севере наслушался рассказов о снежных людях. Однажды один из пастухов-коряков шел летом по тундре, через плечо у него был перекинут чаут, а длинный его конец волочился по траве. Неожиданно чаут за что-то зацепился, как показалось пастуху.

Он оглянулся и увидел, что за конец чаута, сидя на корточках, держится какое-то крупное волосатое существо. Пастух сбросил чаут и без промедления в страхе убежал в стойбище. Другие пастухи рассказывали, что как-то летом видели шесть диких волосатых женщин. Подобных рассказов на Крайнем Севере бытует великое множество. Верить им или нет, не знаю.

Утром мы позавтракали, и я с удивлением узнал от Халкачана, что в стойбище меня ждет невеста. Поскольку в фактории у меня не было пары, а все мои знакомые туземные девушки обитали в Гижиге, эта информация меня заинтересовала. Я гадал, что за невеста, сколько ей лет, можно ли верить на слово Халкачану, известному шутнику?..

После завтрака мы накормили собак. Кормление собак — это зрелище, заслуживающее внимания. Выражение «голодный, как собака» я в полной мере оценил, наблюдая за процедурой кормления ездовых собак. Протягивать к ним руку, чтобы

погладить их, как мы это делаем в городе с нашими любимыми питомцами, нельзя. Руку они отхватят напрочь. Когда мы вышли на улицу, держа в руках для каждой собаки по пластине ююлы, такой сумасшедший собачий гвалт тут поднялся. С каким остервенением собаки глотали, не жуя, ююлу. Приходилось следить, чтобы каждая собака получила свою пайку, потому что более сильные, проглотив свой завтрак, норовили отобрать его у более слабых. Сборы в дорогу не отняли много времени, и вот уже снег закрипел под полозьями передовых нарт. Характер местности с каждым пройденным километром менялся: исчез прибрежный лес, справа всхолмленная тундра Парапольского Дола простиралась до горизонта, а впереди отроги Станового хребта, которые, казалось, приблизились.

Время от времени мы проезжали мимо небольших сопок в зарослях сторевшего кедрового стланика. Тракторный след уводил нас все дальше и дальше. Ехали без задержек, потому что груз в нартах был нетяжел, да и собаки втянулись в работу, не отлынивали, и каюрам не было необходимости подстегивать их. Местность по пути нашего следования постепенно поднималась. Все чаще и чаще приходилось помогать собакам тянуть и подталкивать нарты. Огромное красное солнце стояло без движения над Парапольским Долем, пар от дыхания собак стелился вокруг них, скрипели сочленения нарт, ничего примечательного окрест... Белое безмолвие, как назвал его Джек Лондон. Близость стойбища, куда мы держали свой путь, первыми уловили собаки, они прибавили ходу, наконец мы услышали отдаленный лай собак из стойбища и вскоре увидели несколько палаток на берегу озера у подножия небольшой сопки.

В СТОЙБИЩЕ

Из печных труб вился дымок, на вешалах и лабазах были пристроены предметы одежды, тюки и другое имущество. Мой груз из бочек с бензином и другим скарбом, доставленный на тракторе, стоял в стороне. Все население стойбища, довольно многочисленное, высypало из палаток и вышло приветствовать нас. Мы разгрузили нарты, привязали собак, и я занес свои вещи в приготовленные для меня жилища, состоявшее из поставленных встык довольно вместительных меховых палаток, в которых можно было стоять во весь рост. Прежде всего установил примерно посередине печку и трубу, заранее доставленные мне на тракторе. В правом углу в торце последней палатки расстелил на земле несколько оленьих шкур, сверху меховой спальный мешок, в головах — рюкзак с вещами, под голову бросил свой флотский бушлат. Постель моя была готова. Не откладывая дела в долгий ящик, внес киноаппаратуру, электрогенератор, банки с фильмами. Исполнив первоочередные дела, связанные с предстоящим пребыванием в стойбище, откликнулся на приглашение испить чаю. В большой общей палатке было шумно.

Как я понял из разговоров, из соседних стойбищ прибыли гости на предстоящий традиционный национальный праздник. Судя по оживленным лицам, кое-кто уже успел приложиться, но пока что все обстояло без эксцессов. Гости сидели на шкурах, поджав ноги. Перед каждой группой из трех-четырёх человек стоял небольшой столик, уставленный закусками и чайными чашками. Все гости весело приветствовали меня и в знак уважения говорили со мной по-русски. Главным украшением стола было большое деревянное блюдо с кусками полусырого оленьего мяса, хахан (строганина из мороженой оленины), уман (сырой костный мозг, добываемый из берцовых оленьих костей). Я сбросил кухлянку и, не чинясь, уселся за свой стол. Достал свой пареньский нож, ухватил зубами кусок оленьего мяса и по примеру инородцев стал отрезать прямо под носом кусочки. Обрезать

нос я не боялся, так как практика обращения с ножом у меня была. Недоваренное мягкое оленье мясо, красное внутри, буквально таяло во рту. Кровавой сок сочился у меня по подбородку. Но стоило ли обращать на это внимание? Я устал и изрядно проголодался. От предложенной чарки не отказался, но не более того, так как мне предстояло еще много работы. Когда насытился мясом, дошла очередь и до хакана с уманом.

Но не жадничал, памятью о том, что с непривычки от сырого может схватить живот. Попробовал всего понемногу, но от вэльвеля (дробленые оленьи копыта, заквашенные в оленьей крови) отказался. Когда кастрюлю с вэльвелем открывают то в нос шибает дух почище, чем из выгребной ямы. В одном из стойбищ я как-то попробовал вэльвель: закрыл глаза, затаил дыхание и поднес ложку ко рту. Желудок мой сжался, у меня начались рвотные спазмы, с трудом сдержался, проглотил содержимое ложки. Пока я глотал, у меня из глаз потоком лились слезы. Я по-настоящему плакал. Справившись со спазмами в желудке, я успокоился, а мои коварные искусители весело и не без ехидства посматривали на меня и хохотали. С тех пор я стал подозревать, что одним из ингредиентов для сквашивания в вэльвеле оленьих копыт является моча. Человека же, вкусившего вэльвель, инородцы называют вэльвилочка.

Так я стал вэльвилочкой. Наконец-то гомон в палатке стал стихать, дошла очередь до чая. Чай инородцы обычно пьют из пиал и блюдец. В заварной чайник очередная дежурная мамушка кладет порцию заварки, разливает по пиалам, каждый добавляет кипятка по желанию. Когда выпивают по первой пиале, то в заварник уже в спитой чай (среди геологов именуемый нифель) вторично добавляют кипятка, выпивают по второй пиале, после третьей заварки чай уже бледный, и это означает конец чаепития. Вместо сахара к чаю подают слипшиеся конфеты-подушечки или же незамысловатые карамельки. Вместо печенья предлагают свежиспеченные олады. Я обратил внимание, что мамушка, подававшая чай, одетая в традиционную женскую кухлянку, уж больно молода. Я поймал на себе ее взгляд, брошенный на меня украдкой. Миниатюрного сложения (даже под кухлянку угадывалось стройное тело), с длинной толстой черной косой, спускающейся до середины бедер, округлое маленькое личико с небольшим носиком, чуть раскосенькие глазки, довольно пухленькие губки и маленький ротик.

Сердце мое замерло в сладком предчувствии: «Неужто моя «невеста», о которой мне говорил Халкачан». С большим трудом подавил в себе проснувшуюся похоть, поблагодарил всех за обед, надел кухлянки и вышел из палатки. Мне предстояло еще много подготовительной работы: растянул провод и стал ладить электрическое освещение в каждой из палаток, затем запустил паяльную лампу и стал греть масло в картере электрогенератора, подсоединил провод к генератору и попытался запустить двигатель. После того как «чифирнул», то есть через отверстие в крышке цилиндра влил из пузырька несколько капель бензина, снова дернул рукоятку на запуск, двигатель завелся. Дал напряжение, и в палатке зажегся свет, ее обитатели выскочили на улицу и радостно приветствовали меня. Бензина у меня было четыреста литров. Можно не экономить и не глушить двигатель всю ночь. В своей палатке подготовил к работе киноаппаратуру, навесил экран, притащил несколько шкур и застелил пол.

Две лампочки, подвешенные в разных концах палатки, давали яркий свет. Когда подготовил к пуску киноаппаратуру, пришла очередь заняться дровами для печки. Я понял, что «лесосека» начинается у подножия сопки. Из-под снега торчали сухие корявые ветки горелого кедрового стланика. Прихватив пустую нарту, топор и кувалду, отправился за дровами. Стланик пришлось освобождать из-под снега. Рубить топором его невозможно: надо бить обухом топора и кувалдой по хрупким ветвям. Довольно скоро заготовил приличную кучу топлива, тут же на месте измельчил корявые ветви примерно по длине печи, загрузил нарты и при-

тащил дрова к палатке. Несколько рейсов хватило для того, чтобы заготовить достаточно топлива для жерла печи. Электрогенератор ритмично постукивал в отдалении от палатки. Вечерело. Солнце, которое утром с трудом оторвалось от земли, уже зашло. Мороз крепчал, на небе появились звезды. Затащил в палатку охапку дров, приготовил растопку, наконец заполнил печь дровами.

Как только ветки кедрового стланика затрещали в огне, я уменьшил тягу в печи. Вскоре ее бока покраснели. Сбегал с двумя ведрами к озерной полынье, притащил воды в палатку, залил водой два чайника и поставил их на печку. Киноаппаратура была готова к работе, я установил бобину с пленкой, на экране замелькали первые титры. Выставил на геологических выючных ящиках, заменявших мне стол, чайную посуду, сахар, хлеб, соленое сало, селедку, свежий лук и чеснок, заботливо укутанные мною в спальный мешок от мороза, и приготовился к приходу гостей. Гости не заставили себя ждать. Те, которые не переусердствовали со спиртным. Все чинно расселись на шкурах, и я запустил проектор. Гости покуривали, попивали чаек, угощались чем бог послал. Время от времени подкладывал в печь дровишек. Когда заканчивалась одна бобина, ставил другую, и сеансы, следует заметить, следовали один за другим, едва ли не до самого утра. Под утро кинозрители заснули, но с первыми лучами солнца стойбище ожило.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК

Мамушки в палатках готовили свадебное угощение, мужчины собирали ездовых оленей, так как предстояло главное действо праздника — гонки оленьих упряжек. У меня не было своих ездовых оленей, поэтому в гонке участия не принимал, надеялся поучаствовать в других видах поединков: бег с палкой по снегу, стрельба, метание чаута. Празднично принаряженные в новые кухлянки участники гонок выстроились у старта, прозвучал сигнал, и упряжки сорвались с места. Азартное, надо сказать, зрелище — гонка на оленях в легких нартах. Раздавались крики погонщиков, свист и стук элоэлей, и вскоре упряжки скрывались из виду, чтобы, завершив круг, вернуться к финишу. Где-то с час длилась гонка, наконец показались несколько упряжек. Выделились три лидера: привстав в нартах, они нещадно хлестали оленей. Упряжка бригадира первой преодолела финишную черту, двое гонщиков вслед за ним почти одновременно прошли условный рубеж. Наградой победителю гонок служил живой олень. Двоим доставались призы попроще: бинокль, приемник «Спидола».

Отставшие от лидеров упряжки подходили к финишу одна за другой. Проигравшие скромно помалкивали, но все равно их лица были оживлены и довольны, так как само по себе участие в гонках престижно. Наконец последний участник гонок по имени Рольтыгиргин, коряк лет сорока от роду, улыбаясь во весь рот, подъехал на сломанных нартах к толпе болельщиков. Общаясь с ним накоротке, я отметил, что он сыплет шуточками и словечками из разряда ненормативной лексики с легким блатным намеком и акцентом. Тут же выяснилось, что своему знанию этой лексики, балагурству и какой-то развязности, отличавшей его от скромно ведущих себя соплеменников, он обязан пребыванию у «хозяина», то есть отсидкой в лагере под Магаданом. «Ты почему, Рольтыгиргин, припозднился?» — спросил я его. На что он ответил: «Половой член судорогой свело». Мне этот ответ так понравился, что я его впоследствии взял на вооружение.

После торжественного чаепития соревнования продолжились. Предстоял бег с палкой по чуть прибитому копытами оленей снегу. Я не знал, что в этом виде принимает участие молодежь до шестнадцати лет, а мне уже было тридцать лет.

Поэтому, прихватив пастушеский посох, встал у стартовой черты. Рядом со мною были человек десять подростков.

Прозвучал сигнал, и мы рванули вперед. Кухлянка, меховые штаны поначалу не стесняли движений, я старался не отрываться от бегунов. В университете сдавал в свое время зачет по физкультуре — бег на десять километров, поэтому в начале соревнования старался не выкладываться по полной, экономил силы, но не учел одного: бег даже по прибитому снегу изматывает. В начале пути бежал легко, чувствовал здоровье каждой клеточкой тела, затем мои движения стала стеснять кухлянка, и я ее бросил на снег. Между тем несколько юношей вырвались вперед все убыстряя бег. Я бросил в снег меховые рукавицы и малахай. Финишная черта уже была видна, нам махали руками болельщики. Я прибавил ходу, обогнал трех последних бегунов и пересек черту. Трех победителей-бегунов чествовали, но немало почестей досталось и мне. «Молодец, Алексеич, — сказал мне Халкачан. — Ты трех наших ребят укатал». Я безмерно возгордился. В следующем соревновании по стрельбе из мелкокалиберной винтовки не стал принимать участия, но вот от соревнования по метанию чаута не отказался.

Старик Савва, который прибыл в стойбище на праздник до нашего приезда, привязал к длинному шесту ремнем оленьи рога и, уперев шест в снег, стал их крутить, все убыстряя движение. Надо было приноровиться, рассчитать по времени оборот рогов и пустить чаут навстречу. Здесь, в этом виде, главное — ловкость и расчет по секундам. Несколько моих бросков были пустыми, но, приноровившись, я трижды сумел захлестнуть петлей рога. «Молодец, Нембучан», — приветствовали меня хозяева праздника. Впоследствии я не так результативно, как настоящие пастухи, но принимал участие в подсчете оленей в корале и, когда на миг открывали ворота и несколько оленей вырывались на волю, особой, предназначенных для клеймения или спилки рогов, захлестывал чаутом за рога или же задние ноги. Перебирая руками чаут, приближался к оленю, хватал за рога, крутнув ему шею, валил его. Тут же подбегали пастухи, клеймили или же пилили ножовкой рога, от чего тот испытывал невероятную боль. Освобожденный из рук людей, он тряс головой, затем убегал.

Праздник между тем продолжался. Народ устремился к накрытым столам. Я не отказался от угощения, но на грудь принимать не стал. Мне еще придется всю ночь не спать, крутить фильмы, гонять до утра электрогенератор, так как веселье грозило затянуться до утра. Дозаправил генератор, заполнил небольшие емкости литров по пять бензином, чтобы потом не сливать его шлангом из бочки в темноте. Взял нарту, кувалду, топор и отправился к своей лесосеке. Быстро накрошил кувалдой ломких, сухих, корявых ветвей, отвез груз к палатке. Пополнив запас дров, сожженных накануне, растопил печку и, когда благодатное тепло заполнило палатку, растянулся на своем спальнике. Набив трубку табаком «Нептун», подполз к печке и прикурил лучинкой от огня. Раскурив трубку, снова лег и прикрыл глаза. Мысленно представил, сколько тысяч километров отделяют меня от дома, от родного Владивостока, вспомнил слова танго, которое у меня было на пластинке тридцатых годов (Апрелевского завода, с фирменной ласточкой на круглой этикетке), «Мне немного взгрустнулось... Расстаемся, я не стану злиться...». В моей коллекции пластинок тридцатых — сороковых были Петр Лещенко, Александр Вертинский, Изабелла Юрьева, Вадим Козин и другие.

С детства зачитывался книгами об индейцах, наконец-то оказался среди, можно сказать, российских «индейцев», ведущих кочевой образ жизни. Чего же мне не хватает в этой жизни? И работа спорится, и вот туземная молодая красotka по имени Элрика (стороной выяснил ее имя) душевно и, похоже, телесно расположена ко мне. Постепенно грустные мысли о несбывшемся оставили меня, и я заснул. Проснулся от холода, так как дрова в печи прогорели. Затопил печь, вышел на улицу, дозапра-

вил генератор. Было морозно. На небе светило полярное сияние. Во всех палатках горел свет, шел дым из печных труб. Мои каюры квартировали в соседних палатках на всем готовом и завтра, загрузившись оленями, собирались в факторию. Предстояло жить в стойбище. Вернулся в свою палатку, продолжать веселье со всеми не хотел. Подготовил несколько фильмов для киносеанса, перемотал уже показанные.

Накал праздничных страстей в стойбище, похоже, пошел на убыль. Часть гостей сняли свои палатки и готовились к отъезду.

Здесь, надо заметить, в колхозном стаде у каждого инородца были свои личные олени, дававшие приплод, и каждый владелец знал «в лицо» своих питомцев. Если память мне не изменяет, то разрешалось в общественном стаде иметь не более семи оленей. Один из пастухов как-то под большим секретом рассказал мне, что в тридцатых годах он был кулаком, имел двести оленей, и его раскулачили, правда, в Сибирь не сослали. Интересно, куда еще с Колымы можно сослать? В начале семидесятых уже прошлого столетия в Магадане, да и вообще на Колыме, прошла акция под названием «Упорядочение паспортного режима», когда вылавливали в городе и окрестностях мелких бичей и куда-то их отправляли. Куда? По сей день не знаю куда. Впрочем, на смену отловленным бичам пришли новые.

Вечером в мою палатку набились зрители, и я до утра крутил фильмы. Когда бобина с фильмом заканчивалась, меня кто-нибудь вежливо будил, я устанавливал в проектор новую, и сеанс продолжался. С первыми лучами солнца я проснулся и с удивлением обнаружил, что фильм идет, а все мои зрители поголовно спят. Среди спящих узрел и Элрику, свою «невесту». Но поговорить мне с ней не удалось. До обеда отсыпался, а вечером решил со знакомым пастухом отправиться на ночное дежурство вчетвером караулить табун оленей.

Все пастухи по очереди дежурят по ночам. Обычно их в бригаде пять-семь человек, а также мамушка, которая готовит пищу, ремонтирует одежду или шьет новую из шкур оленей. Нередко, приезжая в какую-нибудь бригаду оленеводов, вечером подвешивал в палатке над печкой для просушки свои торбаза или же чижи (меховые чулки), а утром находил на том же месте новые торбаза или чижи. Случалось, мне таким образом дарили кухлянки, меховые перчатки, расшитые бисером, или же камусные рукавицы. Все это забота очередной мамушки, которая была, как правило, женой одного из пастухов.

К вечеру в стойбище остались две палатки, гости в большинстве своем разъехались по своим бригадам. Праздник закончился. Надо сказать, что в жизни пастухов-оленеводов праздников не так уж и много. Однообразная кочевая жизнь некоторых из них, особенно молодых, порой угнетает. Наступает момент, когда, как говорится, душа праздника хочет. Обычно опытный бригадир тонко улавливает настроения своих подопечных. Того, кто оказывается на грани нервного срыва, он оставляет в тундре одного. Если дело происходит летом, ему ставят палатку или полог, убивают для него оленя, варят мясо большими кусками и оставляют в одиночестве. Стадо летом не может долго топтаться на одном месте, и почти каждый день бригада перекочевывает.

Для «недужного» заботливо роют ямку в земле «для живота». Когда все уходят, он ест мясо до отвала, пьет чай и спит. Обычно «болезнь» продолжается дня три, пока не съест оленя, затем просыпается, пьет чай и догоняет бригаду. Надо сказать, что это один из наиболее действенных способов для снятия стресса, если не считать сухих мухоморов.

Для ночного дежурства я экипировался по-походному — так, как обычно одеваются, когда предстоит поездка в тракторных санях или же в вездеходе. Натянул две кухлянки: одна мехом внутрь, другая мехом наружу, меховые штаны, малахай, рукавицы, пояс с подвязанным к нему справа ножом в ножнах, новые меховые

чулки и торбаза. Причем в торбаза засунул травяные стельки. В рюкзак уложил трехлитровый китайский термос с крепким чаем, кусок сала, пару лепешек спрятал за пазуху, чтобы не подмерзли. К своему удивлению, увидел, что мой спутник, несмотря на жестокий мороз, одет более чем легко и без всякого припаса. Светила полная луна, причем светила очень ярко. Такую луну зимой называют «якутским солнцем». В этом лунном свете кочковатая заснеженная тундра без единого деревца и кустика казалась нереальной, что-то от действия мистического свойства.

Огромное стадо оленей сбилось в кучу, в которой они ритмично ходили по кругу, раздавался стук рогов и характерное пощелкивание копыт. Там, в копыте оленя, есть косточка, которая при беге пощелкивает. Наша задача заключалась в том, чтобы удержать табун в круге, не позволить отдельным особям отколоться и уйти в тундру. Кроме того, не дать полярным волкам разогнать оленей. Итак, до утра нам предстояло держать все стадо. Мы разделились: пастух стал обегать стадо с одной стороны, я — с другой. Несмотря на жестокий мороз, вскоре я взмок, и верхняя кухлянка стала стеснять движения. Я ее бросил на кочку, где лежал рюкзак. Это была самая долгая ночь в моей жизни. До утра мы бегали вокруг табуна, кричали, размахивали руками, грозя оленям, норотившим вырваться на свободу. Только сейчас на своей шкуре я испытал, что такое труд пастуха-оленовода. Какой нам чай под луной, когда удавалось лишь на несколько минут в течение ночи присесть на кочку и перевести дух, причем сейчас же жестокий мороз продирает до костей, до дрожи. Утром пришел бригадир, и мы распустили стадо.

Олени стали деловито копытить снег и передвигаться в направлении севера. Я подошел к брошенной кухлянке и рюкзаку с термосом и провиантом. Накинул на себя промерзшую за ночь кухлянку, развязал рюкзак, вынул термос с чаем, две кружки, порезанное на дольки сало, из-за пазухи лепешки, сохранившие тепло моего тела. Налил в кружки чаю пастуху и бригадиру, предложил сало, лепешки. Себе же налил чаю в колпачок от термоса. Кусок лепешки обмакнул в чай; сало, пропахшее чесноком, после ночи утомительной беготни по тундре показалось мне необычайно вкусным. Жизнь опять была прекрасной. Бригадир прихлебывал чай, дымящийся на морозе, и не без любопытства посматривал на термос. «Ну и хитрые же вы, мельгитане», — произнес он дежурную фразу. Я понял, что с китайским термосом, бывшим в нашей семье с пятидесятих годов, вывезенным нашими офицерами из Китая, из Порт-Артура, мне придется распрощаться. Вспомнил, что где-то в году 1954-м наши сдали китайцам Порт-Артур и Дальний. В это время мой отец служил в поселке Гродеково, что находится на границе с Китаем. Железнодорожная ветка из Гродеково шла в Китай, по ней и двигались поезда из Китая и в Китай. Для этой цели на станции приставляли под вагонами тележки, так как китайская колея уже, чем у нас. Помню, что семьи офицеров, обосновавшихся в Гродеково, считались богатыми, так как у них были термосы, кимоно, ширмы с драконами, ножные швейные машинки, круглые фонарики и др. В середине пятидесятых — начале шестидесятых во Владивостоке массово в магазинах появились товары китайского производства — все вышеперечисленное, кроме того, вино «Небесное озеро», тушенка «Великая стена», синие штаны из дабы, теплые кальсоны, женские теплые трусы до колен и кеды. Этот термос я посоветовал бригадиру беречь и никоим образом не ронять, чтобы не повредить стеклянную колбу.

Когда мы вернулись в стойбище, в течение всего дня точил на электронаждаке ножи, топоры, разводил и точил двуручные пилы и ножовки. В моем слесарном ящике был изрядный запас напильников, надфилей для точки блесен, полотен для ножовки по металлу, гаечных ключей, электропаяльник и другие мелочи, необходимые мастерскому человеку, включая столярные инструменты.

Вечером опять крутил кино, но у большинства зрителей хватило терпения только на два фильма. В эту ночь генератор выключил и перетащил его в палатку, чтобы не

замерз напрочь. После трудов праведных спал как убитый и проснулся, когда солнце уже стояло, опираясь краем в тундру. Растопил печь, согрел чай, быстро позавтракал и вышел из палатки. Обитатели стойбища свои палатки сняли и собирались кочевать на новое место. Ко мне подошел бригадир и доверительно сообщил, что они кочуют дальше на Омолон, а мне, чтобы не было скучно, оставляют мамушку. Я понял, что речь шла о моей «невесте» Элрике. Поблагодарил и постарался, чтобы на моем лице не отобразилась радость. «Элрика может перебираться в мою палатку, а я пойду на озеро долбить майну», — сказал бригадиру. Со льда озера увидел, как вереница нарт, влекомых оленями, шла по направлению к Становому хребту.

ЭЛРИКА

Я усердно трудился пешней над майной, совковой лопатой выгребал колотый лед. И вот я уже стою в майне по грудь. Старался бить по льду аккуратнее, чтобы не пробить ненароком, наконец под пешней лед намок. Выбрался из майны, взял пешню с длинной рукояткой. После одного из ударов, нацеленных в центр майны, в нее хлынула вода. Обработал наугад лунку, чтобы в нее могла пройти рыба, и обрубил острые края. Майну прикрыл двумя оленьими шкурами и забросал их битым льдом, чтобы за ночь не образовался лед толщиной в метр и более.

Когда вернулся в свою палатку, то увидел, что ее внутреннее аскетичное убранство преобразилось. На полу поверх шкур лежал ковер, вся поверхность которого, предназначенная для спанья, была застелена цветным покрывалом, в головах у меня вместо бушлата располагалась подушка в цветной чистой наволочке. Такая же подушка была рядом. Мой меховой спальник лежал в стороне, аккуратно сложенный и перевязанный ремешком. Поверх покрывала было расстелено большое ватное одеяло в пододеяльнике.

А накрыта была общая, как я понял, постель еще одним покрывалом, на которое сразу захотел завалиться. Но сдержался, демонстрируя невозмутимость. Поздоровался с хозяйкой. Как-то неуловимо в продыmlенной палатке на всем лежала печать изящества. Посуда — чайники, котелки, кружки и др. — была начищена до блеска. Импровизированный стол накрыт чистой клеенкой. У моего изголовья на вьючном ящике, также застеленном клеенкой, лежали моя трубка, пачка табаку «Нептун», спички и пепельница из яркой консервной банки. Две керосиновые лампы, отдраенные до блеска, были подвешены к потолочным жердям так, чтобы не биться о них головой. На печке дымились котелок и чайник. Стол уже был приготовлен для обеда. Элрика пригласила меня к столу. Я впервые услышал ее чудесный голос, который звенел как серебряный колокольчик. Разделся: стянул с себя кухлянки, меховые штаны, торбаза. Остался в спортивных брюках и тельняшке, довольно чистых, затем выразил желание умыться на улице. Элрика молча наполнила ковшик холодной водой из ведра, разбавила из чайника кипятком, взяла мыло и полотенце.

Я обулся в калоши и вышел из палатки. Она мне сливала из ковша, я мылся и поглядывал на нее. Свои национальные одежды она сменила на европейское платье. Голова, увенчанная длинной косой, была непокрыта; кофточка, белая блузка, в ушах сережки в виде сердечек, на шее золотая цепочка с православным крестиком, черная юбочка до колен, под юбочкой черненькие обтягивающие брючки, на ногах простые туфельки без каблучков. Одевание для дома. В ковшике оставил воды и предложил своей «невесте» умыться, и она охотно согласилась. Мы проследовали в палатку, где она налила мне в чашку из котелка суп, состоящий из мелко нарубленной оленины и риса. Вместо хлеба были свежее испеченные оладьи. Из закусок она предложила мне местный деликатес — вареную сохатиную губу. Я порезал из своих запасов сало,

лук, малосольную селедку, и все это она понемногу отведала. Хотел предложить разведенный спирт, но не решился и впоследствии понял, что поступил правильно, так как Элрика никогда в своей жизни не употребляла спиртного. От еды, от тепла печи ее миленькое личико раскраснелось.

Надо сказать, что Элрика ела со мною за одним столом, в отличие от других туземных женщин, которые едят отдельно. Ела Элрика всего понемногу, как птичка. Наконец-то дошла очередь до чая. Я достал к чаю плитку шоколада, разделил ее на дольки. Моя «невеста» заварила чай в заварнике, налила мне покрепче, себе послабее. Мы оба чувствовали себя немного скованно, поэтому оживленного разговора за столом не было. Я не мог отвести взгляда от личика Элрики, кровь, выражаясь пошлым языком литературных штампов, бурлила в моих жилах. Желание обладать ее прекрасным телом буквально затмевало сознание. Я твердил себе, что всему свой черед, дойдет очередь и до страстных объятий, что я не животное, а подсознание твердило, что животное, мерзкое и похотливое. С трудом пересилил себя, встал, поблагодарил хозяйку за обед и, чтобы успокоиться, сказал, что отправляюсь за дровами. Нужно было как-то продержаться до вечера. Дрова в нартах тягал до темноты, пока Элрика не позвала меня в палатку. В палатке горели две керосиновые лампы, давая достаточно света. На печке стоял чайник, стол был накрыт. Мы поужинали, и, как я понял, пора было устраиваться на ночлег. Элрика попросила меня отвернуться, быстро разделась и юркнула под одеяло. Дальше я не стану описывать, что мы творили всю ночь, потому что боюсь перевозбудиться.

Больше со мною никогда в жизни такого не было. Были девушки, были жены, но никто из них никогда мне не шептал: «Мой любимый! Мой любимый! Как хорошо!» Дальше наша жизнь вошла в размеренную колею. Как и другие туземцы, я выполнял чисто мужскую работу: заготавливал дрова, охотился на куропадок, ловил в озере щук, ставил капканы на лисиц и петли на зайцев. Элрика готовила еду, выделявала шкуры и камуса, шила меховую одежду. Я с удовольствием наблюдал, как она кроила на доске по своим неведомым лекалам шкуры, как ловко орудовала иглой с вдетой в нее оленьей жилкой вместо нитки. Время для меня остановилось. Пребывал в каком-то восторге от упоения полнотой жизни. Раз в неделю мы устраивали банный день, постирушки. Для этой цели снял с лабаза оцинкованную ванну, несколько тазиков, ведра; запас хозяйственного и туалетного мыла у меня был. Для мытья притаскивал из озера изрядно воды, грел в ведрах на печке. Трубу у печки обложил камнями, добытыми у озера. Когда камни раскалялись, лил на них воду из ковшика, палатку заполняли клубы пара. Первой мылась Элрика. Вначале она хотела выставить меня из «бани», но потом согласилась, что кто, как не я, должен потереть ей спинку. Боже мой! Какие милые глупости мы творили при совместном мытье.

Следует отметить, что баня зимой в палатке — занятие рискованное. Поэтому мы, закончив мытье и стирку, сразу ложились в постель, накрывались с головой одеялом и не рисковали распаренные выходить на мороз, чтобы, не дай бог, не подхватить воспаление легких. Не поминай имя Господа всуе, как говорится. Я уже отмечал выше, что на шее Элрики на золотой цепочке висел золотой же православный крестик. У меня на шее на черном шнурке тоже висел крестик, только алюминиевый, данный мне при крещении. Как мне рассказывала бабушка, она меня в младенчестве, в 1943 году, отнесла крестить в маленькую церквушку во Владивостоке в районе Куперовской пади. В эту церквушку, будучи студентом, я захаживал послушать службу на Пасху или же на Рождество. И в ней же студентов брали на карандаш комсомольские активисты и, говоря, за слушание служб лишали стипендии. Меня, хотя и отмечали постоянно в церкви, стипендии не лишали, потому что я единственный в группе не состоял в комсомоле. Вспоминаю, как в аудиторию заходил комсорг и говорил: «Все на комсомольское собрание!» Мои одногруппники, мои подружки остава-

лись на местах, я единственный вставал и выходил из аудитории. Поскольку был аполитичным, в общественной жизни участия не принимал (это же было отмечено и в моей школьной характеристике), то на престижное распределение мне нечего было и рассчитывать, а потому я налегал на учебу (учился на дневном отделении), умудряясь ее сочетать с суточной работой в кочегарке.

В кочегарке же я и писал свой диплом, который, кстати, защитил на «отлично», да и по предметам специальности получил в приложении к диплому отличные оценки. Единственная тройка у меня за все пять лет учебы была по истории КПСС по причине пристрастного отношения ко мне преподавателя, который всякий раз, обращаясь ко мне, говорил с издевательством «Ваше...». Но ни о чем не жалею. Как жил вольно тогда, не заморачиваясь относительно карьеры, денег, выгодной женитьбы, так и сейчас живу. Да и о чем мне жалеть? У меня сейчас жена моложе меня лет на двадцать, которая, надеюсь, любит меня, красивые умные взрослые дети.

Но вернемся на сорок лет тому назад в стойбище на берег тундрового озера в те незабвенные времена, когда на короткое время был так безумно счастлив, как это бывает только в молодости. Каждый день я приносил по несколько куропаток и непременно зайца. Мою добычу Элрика разделявала, тушила в огромной сковороде со специями, луком и чесноком. Когда надоедала дичь, мы доставали из мешка оленину. Когда вообще мясо надоедало, приносил выловленных в озере щук.

Элрика разделявала их на филе, пропускала через мясорубку и жарила котлеты. Щуки в жареном или вареном виде, полагаю, несъедобны, так как их мясо пронизано длинными острыми костями.

И все-то было хорошо, да предчувствие скорого расставания томило меня. Да и Элрика погрустнела. Почти месяц длилась наша идиллия. Я обратил внимание, что она стала избегать любовных игр, жаловалась на боль при моих яростных атаках. Понятно, свое «черное» дело я не прекращал, но действовал бережнее, склоняя ее к соитию. Потому как считал, что если я чего решил, то сделаю обязательно, а к женским капризам отношусь очень отрицательно. Но, как я прочитал еще в детстве в сказке Ганса Христиана Андерсена: «Рано или поздно всему хорошему приходит конец». Я стал задумываться, а не беременна ли Элрика, если стала избегать любовных игр, и не нужен ли я ей был исключительно для оплодотворения. Я слышал, что туземные девушки беременеют, в лучшем случае, раз в четыре года по причине сурового климата.

Мои невеселые размышления были прерваны приездом бригадира с двумя оленьими упряжками. Элрику забирали в стойбище, палатку снимали. Мы разобрали палатку, Элрика уложила в нарты свои вещички, попрощалась и скупо поцеловала меня в щеку. Да где они, те страстные ночи? Выходит, недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Нарты с моей любимой скрылись с глаз. Собрал свой скарб, чтобы тракторист, возвращаясь с Омолона, забрал его в факторию, и двинул пешком налегке к поварне на реке Ахавеем. Впоследствии неоднократно предпринимал попытки разыскать свою любимую, но письма мои остались без ответа. Стороною слышал, что она жила в Ленинграде, училась в Институте народов Севера. Но на письма и в Ленинград ответа не получил. А спустя год уехал на Камчатку, так как отдел культуры прекратил финансирование моей работы. Там, на Камчатке, занимался тем же, что делал в Гижиге, но мои маршруты в пределах Пенжинского района пролегли уже в дельтах Коряжского нагорья, там, где великая северная река Анадырь представляла собой небольшой ручеек и известна была под названием Анадырь-керол. Керол, по-коряжски, — ручей, протока. Об этом я упоминал выше...

